

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЛАВЯНСКИЙ-НА-КУБАНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Б.В. Виноградов

**Россия и Северный Кавказ
в 1783–1816 гг. :
проблемы взаимодействия
во внутри и внешнеполитическом
контексте**

МОНОГРАФИЯ

Славянск-на-Кубани

2010

ББК 63.3(2)

В-49

**Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом СГПИ**

Виноградов, Б.В.

В-49 Россия и Северный Кавказ в 1783-1816 гг.: проблемы взаимодействия во внутри и внешнеполитическом контексте : монография / Б.В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2010. – 95 с.

ISBN 978-5-902524-91-5

В монографии на основе широкого круга источников и исследований анализируются внешне- и внутривнутриполитические составляющие российско-северокавказского взаимодействия в 1783 – 1816 гг., определяются характерные черты политики России на Северном Кавказе, которые не сводимы к колониальной экспансии против горских народов.

Монография предназначена для профессиональных историков и всех интересующихся проблемами складывания российского Северного Кавказа.

Рецензенты:

Ю.Ю. Клычников, доктор исторических наук, профессор ГОУ ВПО ПГЛУ;

Н.А. Серогодский, доктор исторических наук, профессор ГОУ ВПО СГПИ.

ISBN 978-5-902524-91-5

© Виноградов Б.В., 2010

© Славянский-на-Кубани
государственный педагогический институт, 2010

Оглавление

Введение	4
Глава I. Характер и особенности российско-северокавказских взаимоотношений в 1783 – 1801 гг.	12
Глава II. Специфика российско-северокавказского взаимодействия в 1801 – 1816 гг.	51
Заключение	82

Введение

Проблемы российско-северокавказского взаимодействия в настоящее время остаются в центре внимания как историков-профессионалов, так и исторических публицистов. Это определяется неслабеющим интересом к исследованию процесса складывания российского многонационального государства, механизмов и закономерностей данного длительного и сложного исторического явления. Обозначенная проблематика имеет не только чисто научную значимость, но и политическое звучание в условиях борьбы центробежных и центростремительных сил после развала СССР, в контексте сохраняющихся трудностей Российской Федерации.

В советской историографии процесс складывания российского многонационального государства рассматривается в значительной степени сквозь призму довольно априорной констатации у «царской России» колониальной политики по отношению к иноэтничным окраинам. Такой подход проистекал из некритичного, догматизированного усвоения части исторической публицистики классиков марксизма-ленинизма, так как наследие классиков провозглашалось методологической основой трудов советских историков. По сути дела, немало политизированные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина относительно внешней и внутренней политики России в широком хронологическом диапазоне нередко преподносились как незыблемые истины. А если так, то из во многом бездоказательного постулата о колониальной политике России произрастал и другой, не менее небесспорный – о народно-освободительной борьбе угнетенных народов против «колонизаторов». Приведенные «табии» немало затрудняли перспективы исследования сложного и многогранного процесса интеграции окраин в состав Российского государства, искусственно лишали данный процесс внутренней специфики, качественного своеобразия, в том числе в сравнении с особенностями складывания и функционирования колониальных империй стран Запада.

Обозначенные тенденции были в достаточной мере характерны и для освещения российско-северокавказских взаимоотношений.

Вместе с тем советская историческая наука довольно быстро отказалась от наиболее прямолинейной концепции «абсолютного зла» в оценке последствий присоединения иноэтничных окраин к России. И на разных этапах её развития применялись различные оценки форм, путей и методов включения иноэтничных территорий в границы Российского государства: от «завоевания» и «присоединения» (без военного насилия) до «добровольного вхождения», «воссоединения». Между диаметрально противоположными оценочными терминами находились более сдержанные оценки: «вассалитет», «вступление под покровительство» и т.п.

Для первого времени развития современной российской историографии было характерно, к сожалению, фактическое возвращение к концепции «абсолютного зла», которая вполне вписывалась в центробежные политические процессы и тенденции 90-х годов XX века. При этом «позавчерашний день» исторической мысли выдавался часто за последнее слово науки, и в данные «откровения», несмотря на общий отказ от марксистско-ленинской идеологии, вполне вписались прежние догмы о «России – тюрьме народов», о её “колониальной экспансии” и т.д. И, пожалуй, наиболее остро означенная тенденция проявилась при «освещении» российско-северокавказских отношений, многообразие которых в целом ряде исследований сводилось к соответствующим штампам, к вольному или невольному нагнетанию антироссийской истерии, что находило отклик в общественных настроениях в регионе.

Последние годы ознаменовали заметное отступление от данного, в сущности, антигосударственного “стандарта”. Однако и сегодня еще выходят обобщающие кавказоведческие труды, в которых, при поддержке одиозных “фондов”, протаскиваются рассуждения о необходимости для русского народа покаяния за свою историю, о репрессивности империи, завоевательной доминанте в российско-горских отношениях [1].

В современном российском кавказоведении чётко обозначалась и другая тенденция – связывать специфику российско-северокавказских взаимоотношений с уровнем стадияльного развития горцев региона. При условии традиционной дискуссионности определения стадияльного уровня последних внутри данной условной тенденции проявились два направления. Первое из них наиболее ярко представляет М.М. Блиев, в исследованиях которого проводится мысль о немалой роли догосударственного уклада горцев в складывании их противоречий с местными российскими властями. При этом М.М. Блиев отмечает значение закономерного процесса социальной дифференциации северокавказских народов, набеговой экспансии и конфессионального договора для динамики горско-российских взаимоотношений [2].

Представители второго направления (А.Ю. Чирг, А.Д. Панеш, Б.Г. Алиев и др.) представляют этнические группы и феодальные владения Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа в начале государственных образований [3], что предполагает своеобразный ракурс исследования их контактов с Россией. Тенденция к во многом априорной констатации государственного уклада характерна и для работ по истории Кабарды XVI – начала XIX в., в том числе для обобщающих трудов, посвященных российско-кабардинским взаимоотношениям [4]. Думается, что попытки завышения стадияльного уровня северокавказских народов не могут способствовать уяснению характера российско-северокавказского взаимодействия, в том числе и во внешнеполитическом контексте, равно как и современной стабильности в регионе [5].

В настоящее время кавказоведческой школой академика В.Б. Виноградова продолжает разрабатываться концепция “российскости” как парадигмы северокавказского историко-культурного единства в составе России [6]. В рамках данной концепции, предполагающей исследование тенденции и равноправному историческому партнерству народов под эгидой и в составе России, увидели свет многие кавказоведческие труды [7].

Северный Кавказ является регионом, где в течение XVI – XIX вв. происходил процесс вовлечения местных народов в сферу влияния, деятельности, а затем и власти России, проявлялись тенденции к взаимовыгодному партнерству, интеграции народов региона в рамках единого государства.

Вместе с тем проявившееся со второй половины XVIII в. усиление позиций России на Северном Кавказе сталкивается со своеобразием уровня стадийного развития горских народов, с которыми Российская империя в конце XVIII в. вступает в непосредственное “пограничное” соприкосновение. Это существенно видоизменяет ранее существовавшие реалии российско-сеveroкавказских связей.

Столкновение интересов горских обществ (в том числе и мотива “набеговой экспансии”), российских государственных интересов, планов Турции и Ирана в регионе обусловили в совокупности такое неоднозначное и противоречивое явление, как “Кавказская война”. По его хронологическим рамкам, причинам и смысловому содержанию присутствуют значительные разночтения в трудах отечественных историков, что делает сам термин достаточно условным, не вполне отражающим все многообразие российско-сеveroкавказского взаимодействия в конце XVIII – середине XIX вв. Вследствие этого В.Б. Виноградовым и его научной школой для обозначения перипетий российско-горских взаимоотношений начала-середины XIX в. апробируется понятие “Северокавказский кризис XIX века” [8].

Дискуссионность проблемы путей и методов включения Северного Кавказа в состав России обуславливает актуальность пристального исследования особенностей российско-сеveroкавказского взаимодействия в конце XVIII – начале XIX вв, то есть в то время, когда Россия значительно усиливается в регионе, но имеет по отношению к местным народам установки в целом ненаступательные, содержащие своеобразные интегративные проекты. Характерные особенности российско-горских взаимоотношений в данный период

позволят, в частности, лучше понять степень обусловленности и правомерности последующих действий России на Северном Кавказе.

Целью данной монографии является исследование российско-северокавказского взаимодействия в 1783 – 1816 гг. Это предполагает анализ собственной российской политики в регионе, а также того традиционного уклада горских народов, с которым были неразрывно связаны возможности и проявления данной политики. Исходя из представлений о характерных чертах ситуации в регионе в исследуемый период и в соответствии с целью сформулированы следующие задачи:

- исследовать особенности российской северокавказской политики в 1783 – 1796 гг.;
- выявить специфику политики России на Северном Кавказе в 1796 – 1801 гг. (то есть во время правления императора Павла I);
- показать и проанализировать характер и методы деятельности России в регионе в 1801 – 1816 гг.

Выделенные задачи предполагают и анализ тех процессов мирного интегрирования горцев в Российское государственно-правовое пространство, которое имело место в конце XVIII – начале XIX в. Кроме того, поставленные задачи подразумевают показ тех внешнеполитических обстоятельств, которые в значительной мере определяли нюансы российско-северокавказского взаимодействия.

В задачи данной монографии не входит развернутый показ всего обилия исторических событий в регионе в рассматриваемый период времени. Кроме прочего, это отражено в наших предшествующих монографиях [9].

Географические рамки монографии определяются всей территорией Северного Кавказа, включая сюда и Предкавказье, и Дагестан. Таким образом, в зоне внимания находятся территории и народы, как находившиеся под непосредственным российским управлением, так и состоявшие в российском “подданстве” формально или же вообще не состоявшие в нем (народы формально турецкого “Закубанья”). Вместе с тем внешне и внутривосточный контекст

темы исследования предполагает в ряде случаев выход на территорию Южного Кавказа (Закавказья), что обуславливается также и историко-политическим, и географическим единством Кавказа.

Хронологические рамки исследования охватывает период с 1793 по 1816 г., то есть от присоединения к России Крыма и кубанского побережья, Георгиевского трактата о протекторате над Восточной Грузией (1783 г.) до назначения на Кавказ генерала А.П. Ермолова, ознаменовавшего переход России к продвижению вглубь собственно горских земель на Северо-Восточном и Центральном Кавказе.

Источниковая база монографии основана на документальных материалах центральных (РГВИА, РГАДА, АВПРИ) и региональных архивов г. Краснодара (ГАКК), Ставрополя (ГАСК), Ростова-на-Дону (ГАРО), Махачкалы (ЦГАРД), а также на ряде опубликованных источников [10].

Методологической основой работы явился принцип историзма. Применялись также историко-сравнительный, историко-системный, дескриптивный методы, позволяющие лучше понять социально-экономические и политические процессы, имевшие место на Северном Кавказе в исследуемый период.

Монография состоит из введения, двух глав и заключения.

Примечания

1. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.
2. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004.
3. См., например: Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 6, 7. – Майкоп, 2003. – С. 51 – 59; Он же. О попытках военно-политического объединения Западной Черкесии в 20 – 40-х гг. XIX в. // Там же. Вып. 8. – Майкоп, 2004. – С. 32 – 39; Панеш А.Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30 – 40-х гг. XIX в. // Там же. Вып. 5. – Майкоп, 2002. – С.141 – 147; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX в. – Махачкала, 2006.
4. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик, 2007.
5. Виноградов Б.В. К оценке стадийного уровня горских народов в контексте исследования российско-северокавказских взаимоотношений // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). – Армавир, 2007. – С. 62 – 66.
6. См.: “Российскость” в истории Северного Кавказа: Научный сборник. – Армавир, 2002.
7. См., например, Клычников Ю.Ю., Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005; Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). – М., 2006; Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов-н/Д., 2006; Рябиков А.Н. Военно-дипломатическая деятельность России на Кавказе в институте международных отношений в первой трети XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2008 и др.

8. Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе... – С. 49 – 53.

9. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796 – 1801 гг.). – Армавир; Славянск-на-Кубани, 1990; Он же. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. – Краснодар; Армавир, 2004; Он же. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005.

10. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК) / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1866 – 1875. – Т. 1 – 6; Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: В 2 т. Т. 2. – М., 1957; Русско-осетинские отношения в XVIII в.: В 2 т. – Орджоникидзе, 1976, 1984; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. – М., 1988 и др.

Глава I.

Характер и особенности

российско-северокавказских взаимоотношений в 1783 – 1801 гг.

Конец XVIII века ознаменовался для России значительным усилением позиций на Кавказе. Это было обусловлено как внешне-, так и внутривнутриполитическими факторами. К первым, прежде всего, следует отнести присоединение к России Крыма и Правобережья Кубани в результате ликвидации Крымского ханства (некоторые исследователи не без оснований называют данное событие 1783 года разделом Крымского ханства между Россией и Османской империей [1]).

Как известно, независимый статус Крыма, провозглашенный по Кючук-Кайнарджийскому трактату 1774 года, оказался не в состоянии обеспечить российские интересы в регионе, безопасность рубежей Империи [2]. Именно в 1783 году российская граница на Северо-Западном Кавказе стала проходить по р. Кубань, что сразу довольно своеобразно заострило необходимость определения статуса прикубанских ногайцев и поставило на повестку дня проблему взаимоотношений с западными адыгами (т.н. «закубанцами»). Большая часть ногайцев, многие из которых не желали, кстати, принимать российское подданство, была переселена с Правобережья Кубани к 1784 году или же бежала в формально турецкое Закубанье [3]. При этом попытка вооруженного мятежа ногайцев была пресечена российскими войсками под руководством А.В. Суворова и М.Н. Леонтьева.

Военную акцию против мятежной части ногайцев можно рассматривать как стремление России сохранять в будущем спокойствие на своих южных рубежах [4].

Кроме того, разгром протурецки настроенных ногайцев нарушил расчеты Турции удержать под своим влиянием Приазовье [5]. Вместе

с тем уже в 1784 году происходят немалые корректировки изначального потемкинского проекта переселения ногайцев Северо-Западного Кавказа, и переселение это фактически осуществляется не в приуральские, а в прикумские степи и в Таврическую губернию. Некоторая часть кубанских ногайцев, принявших российское подданство и перешедшая к оседлости вообще, осталась на прежних местах обитания [6].

Западные адыги с выходом российских коммуникаций на Кубань получили на протяженную перспективу привлекательный объект для тех набегов, которые были необходимой частью их традиционного уклада и соответствовали стратегическим интересам Турции в регионе.

Установившееся господство России в Северном Причерноморье и завершение присоединения степного Предкавказья открыли для Петербурга новые перспективы в решении кавказского вопроса [7]. И в 1783 г. в крепости Георгиевск был заключен «дружественный договор», оформивший протекторат России над Картли-Кахетинским царством (Восточной Грузией).

Разумеется, заключение подобного трактата было бы невозможным без уверенности в достаточном ослаблении Османской Турции и шахского Ирана, который оспаривал у турок право на господство над Восточной Грузией, Закавказьем в целом, да и над рядом северокавказских территорий. Победа в войне 1768 – 1774 гг., присоединение Крымского ханства и невозможность для турок развязывания в 1783 г. новой войны против России создавали у последней подобную уверенность. Следовательно, присоединение Крыма и Георгиевский трактат необходимо рассматривать неразрывно друг от друга, а также и по отношению к возможностям России на Северном Кавказе [8].

Если признать очевидное – то, что присоединение Крыма и Георгиевский трактат – свидетельства ослабления Турции и Ирана и усиления России на Кавказе, то российско-северокавказское сближение стимулировалось хотя бы тем, что в сознании горцев прививалось

представление о России как сильной стороне в соперничестве с Турцией и Ираном.

Изменения границ России на Северном Кавказе и необходимость сообщений с находившейся под протекторатом Восточной Грузией обусловили строительство в регионе новых систем российских укреплений. Создаваемая Кавказская Линия должна была пройти вдоль кубанского правобережья, а для безопасности дороги по Дарьяльскому ущелью – в Грузию. В 1784 г. от Моздока до входа в Дарьял строился ряд укрепленных пунктов, в том числе крепость Владикавказ [9].

Фактор влияния Кавказской Линии на характер российско-северокавказских взаимоотношений давно находится в зоне внимания отечественного кавказоведения. При этом представляется явной тенденциозностью увязать ее строительство с пресловутой «колониальной экспансией» России в регионе, «захватом горских земель». В то же время возведение Кавказской Линии было стратегически важно и в контексте незаконченного противоборства с Турцией и Ираном, и с учетом необходимости защиты новых российских рубежей от набегов северокавказских горцев. Правда, практически сразу же укрепления и коммуникации Линии становятся объектом нападений горцев, которые увидели в находившихся на ней станицах и селах источник богатой добычи. Таким образом, происходит перенацеливание вектора набеговой активности горцев, и северное, «российское» направление начинает в ней преобладать. В данной связи проблематично приравнивать набеги к проявлениям «освободительной борьбы», тем более что в конце XVIII века российские укрепления редко возводились на собственно горских землях [10].

После 1783 г. довольно непростыми оставались кабардино-российские взаимоотношения. По-видимому, привычный стратегический план кабардинских князей состоял в том, чтобы, используя поддержку России, обороняться от турецкой опасности и одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Такой сценарий мог позволить

кабардинским владениям сохранять собственное доминирование над народами Центрального Кавказа.

1783 год внес существенные изменения в данный «политический расклад». Турецкая угроза в связи с присоединением к России Крымского ханства уменьшилась, но уменьшилась и потребность Кабарды в российской помощи.

Кабардинские феодалы, обремененные традицией преобладания в регионе, теперь столкнулись с усилившейся Российской империей, имевшей на Северном Кавказе собственные стратегические интересы и планы.

После ликвидации Крымского ханства, с присоединением Правобережной Кубани, Россия начинает колонизацию степного Предкавказья. Ранее, даже в рамках прежнего южного пограничья империи, это было небезопасно именно вследствие «крымско-турецкого» фактора. Правда, теперь довольно надолго казачьи станицы и особенно крестьянские села колонизированного Предкавказья стали мишенью для набегов горцев, совершавших грабительские рейды далеко за пределы собственных этнических границ.

Большая часть российских поселений и укреплений располагалась довольно далеко от «этнической границы» той же Кабарды. Даже крепости Павловская и Мариевская, предназначенные, видимо, для сдерживания активности кабардинских феодалов в восточном и северо-восточном направлениях, располагались хоть и вплотную к территории Большой Кабарды, но не внутри нее [11].

Вместе с тем можно признать, что строительство российских укреплений и поселений уменьшало пастбищные угодья кабардинцев и их «приволье». Заметим, что «приволье» кабардинских феодалов и их отношения с соседними народами не всегда устраивали российские власти.

В современном кавказоведении есть нуждающаяся в глубоком анализе точка зрения о том, что Россия на протяжении 60 – 70 гг. XVIII в. усиливала Кабарду в своих интересах, чтобы впоследствии объявить кабардинскими данниками народы Центрального Кавказа и в

конечном итоге, присоединяя Кабарду, вовлечь автоматически в сферу своего влияния эти народы [12].

Можно согласиться с тем, что Россия в борьбе за Северный Кавказ стремилась на определенном (и довольно длительном) этапе опереться на Кабарду, традиция «вассально-подданических отношений» с которой шла еще с середины XVI века. Однако следует, видимо, признать, что российские власти и лично Екатерина II могли лишь конструировать модель своего контроля над Центральным Кавказом, исходя все же из осознанных местных реалий. А эти реалии предполагали доминирование кабардинских феодалов над соседними народами [13]. Другое дело, что постоянная помощь России в борьбе с турецко-крымской экспансией объективно давала саму возможность такому доминированию, а начавшаяся в 1778 г. антироссийская «фронта» кабардинских феодалов немало затруднила использование их российской стороной в качестве объединительного «конструкта» в регионе. Выясняется, что, усилившись не без участия России, кабардинские феодалы не желают пускать Россию в сферы «своего» влияния и доминирования в условиях отсутствия необходимости российской военной помощи. К тому же кабардинские князья весьма своеобразно относились к своему российскому подданству, закрепленному в 1774 г. на международном уровне, и, следовательно, не желали распространения покровительства России над теми народами, которые находились в той или иной степени под их контролем.

Обусловленное Георгиевским трактатом строительство российских укреплений в Дарьяльском направлении было объективно выгодно для ингушей и осетин, стремившихся переселиться на плоскость, и нежеланно для кабардинских князей, привыкших «запирать» горцев Центрального Кавказа в ущельях, контролировать их миграции. Вместе с тем в конце XVIII в. российские власти не могли в ущерб собственным интересам добиваться лояльности кабардинских феодалов.

Первая половина 80-х гг. XVIII в. ознаменовала начало выхода ингушей и осетин с гор на плоскость. Российские власти через

Осетинскую духовную комиссию пытались христианизировать осетин и ингушей. Однако миссионерская работа не приносила решающего успеха, наталкиваясь и на особенности традиционного уклада горцев, и на противодействие кабардинских князей [14]. При этом нелишне заметить, что кабардинское мусульманское духовенство было настроено протурецки, а следовательно, антироссийски.

После заключения в 1783 г. Георгиевского трактата проблема конфессиональной принадлежности осетин и, отчасти, ингушей приобретает немаловажный аспект: Турция и Иран, не пришедшие в восторг от проникновения России в Закавказье, будут при удобных обстоятельствах стремиться перерезать единственную коммуникацию, связывающую Россию и Грузию, – Военно-Грузинскую дорогу. И религиозная принадлежность жителей округа Дарьяльского ущелья здесь приобретает большое значение.

Исходя из исторических реалий середины – второй половины XVIII в., нет оснований говорить о «массовом насильственном крещении» на Северном Кавказе, об обращении в Православие мусульман, о недовольстве горцев в данной связи российской политикой [15], искусственно выпячивая конфронтационную составляющую российско-северокавказских взаимоотношений, придавая ей конфессиональную основу.

Существуют скорее обратные примеры. Так, в 1784 г. Российские власти пытались собрать списки северокавказского «дворянства» для причисления к дворянству России лиц магометанского вероисповедания [16]. Этот, по сути, интеграционный проект не удался не в последнюю очередь потому, что привилегии сочетались бы для местной знати с перспективой реального служения России, к тому же нарушались бы иерархические связи и соотношения местных владетелей перед лицом высшей инстанции – Российской империи. Все это было особо неприемлемо для кабардинских феодалов.

Таким образом, «интеграционный проект» 1784 г., логично сопряженный с усилением российского контроля в регионе, не вписы-

вался в традиционный уклад местных народов и не соответствовал политическим устремлениям немалой части феодальных владетелей.

1783 г. привел к укреплению позиций России в Дагестане [17]. Однако дагестанские феодалы нередко проявляли двойственную (или даже «тройственную») политическую ориентацию в зависимости от обстоятельств соперничества России, Турции и Ирана за Кавказе.

В то же время возрастает антироссийская турецкая агитация в Дагестане. Турки небезуспешно натравливали дагестанских феодалов на Картли-Кахетию, что вызвало проблемы в дагестано-российских взаимоотношениях. Тем не менее российским властям в целом удается дипломатическим путем предотвратить в 1783 г. масштабное вторжение коалиции дагестанских феодалов в Грузию [18]. И все же полностью разрешить проблему набегов на Восточную Грузию тогда не удалось. Между тем бедственные для Картли-Кахетии дагестанские набеги («лекианоба») [19] должны были, по замыслам турецких властей, отвратить, устроить других от российской ориентации [20]. Россия же, несмотря на протекторат над Грузией, не могла в полном объеме обеспечить ее безопасность, практически не имея рычагов силового воздействия на дагестанских владетелей и «вольные общества».

Российская колонизация степного Предкавказья, создание кавказского наместничества (1784 г.) предполагали заводить города для развития торговли с местными народами. В то же время русских переселенцев в Предкавказье было еще мало: в 1785 г. насчитывалось 5 городов, 20 селений и слобод и общим числом «по гражданскому ведомству» 2158 душ мужского пола [21].

Развивались торговые отношения российской стороны и с дагестанскими феодалами. Центрами торговли становятся Кизляр и Моздок [22].

В системе взаимоотношений народов Дагестана с народами Закавказья, Северного Кавказа и Россией определенный негативный баланс приходился на развитие работоторговли в регионе, органически

связанной с набеговой системой. Стимулировала работоторговлю Турция, стремясь так усилить свое влияние на горцев.

Попытки российских властей ограничить работоторговлю на Северо-Восточном и Центральном Кавказе в конце XVIII в. хоть и затрагивали интересы местных феодалов и «вольных обществ», но лишь в той степени, в которой они нарушали российские интересы и безопасность [23].

В сложившуюся в XVIII в. систему взаимоотношений российской администрации и горцев входило взятие аманатов, по отношению к которым примеры репрессивных действий в конце XVIII в. встречались очень редко. Документы свидетельствуют о довольно солидных денежных суммах, отпускаемых на их содержание [24], и это не может свидетельствовать о бедственном положении аманатов. Возраст аманатов — как правило, от 7 до 20 лет — мог способствовать лучшему восприятию ими лояльного отношения к России. Открытая в Екатеринодаре школа «для обучения детей, в аманатах находящихся и других тамошних народов» также призвана была содействовать приобщению детей горцев к тем ценностям, которые определяли российскую специфику отношений с народами региона [25].

К началу 80-х годов XVIII в. в результате разрешенного Россией расселения вайнахов на плоскости [26] российские административные границы вошли в прямое соприкосновение с зоной нового обитания чеченцев и карабулаков. Традиционный уклад последних не изменился, и в условиях ослабления влияния со стороны кабардинцев и кумыков чеченцы, по-разному с российскими властями понимая сущность своих подданных присяг, начинают все чаще совершать набеги за Терек. Попытки их пресечения посредством «репрессалий» вызвали антироссийские выступления в 1782 и 1783 гг. Их подавление (как то в 1783 г.) имело успех кратковременный. Это было связано с исламизацией чеченского общества — новым «идеологическим» мотивом для набеговой экспансии [27].

В 1785 произошло значительное обострение обстановки на Северном Кавказе в связи с началом движения горцев под

предводительством шейха Мансура (Ушурмы). Данное движение проблематично объяснять насаждением Россией на Северо-Восточном Кавказе собственной администрации [28], «российским засильем» [29], которых, по сути, не было. Представляется, что оно было обусловлено как тогдашним состоянием чеченского общества [30], так отчасти и антироссийской деятельностью турецких эмиссаров в регионе.

Усилившиеся набеги горцев, получившие теперь религиозное обоснование, имели целью в том числе расширение собственной территории за счет российской пограничной Линии [31]. Начало религиозно-политической деятельности шейха Мансура можно отнести к 1783 году. За два года его проповеднической деятельности равнинная Чечня превратилась в очаг агрессивных форм ислама, нацеленных на наступательную «священную войну» с «неверными». Возрастает число чеченских набегов на Кавказскую Линию [32]. Зарождение мюридизма и набеговая система оказываются взаимосвязанными.

Поэтому печально знаменитый поход полковника Пиери на аул Алды (резиденцию Ушурмы) 5 – 6 июня 1785 г. нельзя назвать причиной начала «активной фазы» движения шейха Мансура. События 1785 – 1787 гг. показали явно наступательный характер действий Ушурмы и его сторонников, их стремление к захвату территорий (прежде всего это касается нападений на Кизляр), к распространению движения на Кабарду и Дагестан. Однако Ушурме не удалось надолго заручиться поддержкой кабардинских феодалов, которые в конечном итоге не пожелали оказаться в зависимом положении от шейха, замышлявшего создание подобия теократического государства, в котором доминировали бы чеченцы [33].

Представляется, что сама идея создания такого «имамата» была утопичной и в силу особенностей стадийного уровня чеченцев, и вследствие предсказуемого несогласия кабардинских и кумыкских феодалов долговременно подчиняться шейху Мансуру.

Регулярные поражения шейха Мансура от российских войск обусловили проводимые им в Северном Дагестане насильственные мобилизации, взятие аманатов [34].

Степень поддержки северокавказскими народами провозглашенной шейхом Мансуром «священной войны» с Россией не позволяет согласиться с утверждением, что «с июля до октября 1785 г. почти весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного морей был охвачен восстанием» [35].

В конечном итоге шейх Мансур теряет социальную опору на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, где турки (давшие ему титул имама) надеялись с его помощью распространить свое влияние. Это определило его уход летом 1787 г. в Закубанье и продолжение отсюда антироссийской деятельности уже под контролем османских властей, которые имели масштабные планы по использованию шейха для совместных с турецкой армией действий против России на Северном Кавказе [36].

В данных непростых условиях вполне предсказуемой новой войны с Османской империей российские власти стремились к укреплению влияния в Дагестане. Наибольшим успехом явилось принятие в мае 1786 г. присяги на верность России Тарковского шамхала Бамата, что способствовало отходу других кумыкских феодалов от движения шейха Мансура [37].

Важнейшим стратегическим мероприятием России на Северном Кавказе явилось предписанное высоким рескриптом от 26 августа 1786 г. «учреждение войска из горских народов». Данный, по существу интегративный, проект преследовал цель наполнить «вассально-подданнические» отношения ряда горских народов с Россией конкретным содержанием, отвратить горцев от набегов на Кавказскую Линию [38].

Кабардинские феодалы встретили рескрипт отрицательно, так как он затрагивал их интересы в доминировании на Центральном Кавказе. Контрпредложения же кабардинцев были неприемлемы для российской стороны.

Учреждение «войска из горских народов» должно было утвердить Россию как главного и единственного «сюзерена» народов региона. Это соответствовало стратегическим интересам Российской Империи, но объективно противоречило традиционным этносоциальным отношениям населения Центрального Кавказа [39].

Создать «горскую милицию» для поддержания стабильности в регионе, для охраны Кавказской Линии российским властям не удалось. Пример же участия на стороне России горских (в том числе кабардинских) ополчений в ходе османо-русской войны 1787 – 1791 гг. [40] подтверждает то, что вассальное по сути своей военное служение России во внешней войне было для горцев более приемлемо, чем охрана Кавказской Линии от набегов, бывших составной частью их же традиционного уклада.

Вместе с тем, события 1787 – 1791 гг. показали, что народы региона в целом османов не поддержали, несмотря на шедшие из Закубанья призывы шейха Мансура. Это свидетельствует о том, что, несмотря на своеобразие понимания горцами подданнических присяг России и имевшиеся противоречия с российскими властями, достаточно стойкая российская внешнеполитическая ориентация у значительной части из них существовала.

По Ясскому мирному договору с Турцией (1791 г.) закреплялась принадлежность России Кабарды, Балкарии, Осетии и Карачая [41], что затрудняло кабардинским князьям доминирование на Центральном Кавказе. То, что в 1798 г. карачаевцы признали свою зависимость от России [42], тоже не прибавляло кабардинским феодалам перспектив в регионе. В это же время наблюдалась борьба пророссийской и протурецкой «партий» в абазинском обществе [43].

На первый взгляд, в 1790 – 1791 гг. Россия имела возможность на волне побед над Турцией присоединить Левобережье Кубани. Однако этого сделано не было, ибо подобная возможность таила в себе множество внутри- и внешнеполитических опасностей, да и не вписывалась в общую концепцию северокавказской политики Екатерины II [44].

Но Екатерина II еще в ходе войны отказывается передать кабардинским феодалам земли, ранее застроенные укреплениями Азово-Моздокской Линии, так как это бы привело к ущербу российским интересам в регионе в пользу интересам кабардинским [45].

В начале 90-х гг. XVIII в. продолжались попытки христианизации осетин [46]. Однако процесс этот замедлялся в сравнении с предшествующим временем, что можно связывать с активным сопротивлением кабардинских феодалов распространению российского влияния в Осетии, в том числе и религиозного влияния [47].

В 1785 – 1791 гг. продолжался процесс освоения Россией степного Предкавказья. Однако Прикубанье в сравнении с другими частями региона оставалось менее освоенным «российским элементом», что требовало от российского правительства соответствующих мер на ближайшую перспективу [48].

Победа в войне 1787 – 1791 гг., окончательный разгром движения шейха Мансура позволяет на первый взгляд, активизировать России свою деятельность на Северном Кавказе. Но противоборство в регионе России, Турции и Ирана продолжалось, к тому же мощным катализатором горско-российских столкновений продолжали являться набеговая система и работорговля. В данном внешне- и внутривосточном контексте объявленное Екатериной II в 1792 г. разрешение принять под протекторат народы Северного Кавказа [49] было сопряжено с немалыми трудностями. По-видимому, екатерининский указ от 28 февраля 1792 г. должен был закрепить существующее положение вещей в регионе после окончания османороссийской войны 1787 – 1791 гг. Но в реальности обеспечить стойкую внешнеполитическую ориентацию горских владетелей и народов (а именно это в принципе предполагает режим протектората) было довольно сложно не только в силу происков Турции и Ирана, но и вследствие догосударственного уровня развития большинства местных народов, а также непрекращающихся набегов на Кавказскую Линию [50] в нарушение ранее принятых «подданныхских» присяг.

Кабарда, находившаяся в составе Российской Империи при наличии «международного признания» по договорам 1774 и 1791 гг., в этих обстоятельствах могла рассматриваться российскими властями в качестве своеобразного «полигона» (без изначального придания данному слову военного содержания) для попыток привнесения реального содержания в вассально-подданническую схему взаимоотношений в рамках обозначившейся концепции протектората над горскими народами.

Известно, что среди народов Северного Кавказа – «подданных» России – до 90-х гг. XVIII в. не было каких-либо элементов российского судопроизводства. Со стороны российских властей представлялось довольно логичным апробировать элементы собственной судебной власти именно в Кабарде — наиболее социально-экономически и военно-политически развитом районе Центрального Кавказа.

В 1793 г. в Кабарде были учреждены родовые суды и расправы [51]. Они не являлись сколь-нибудь масштабным внедрением российских судебных порядков на кабардинскую почву. Только Верхний пограничный суд, во главе которого стоял моздокский комендант и куда входил российский пристав в Кабарде, судил «по российским законам измены, разбои, грабежи и воровства, убийства, а также имел право апелляции на родовые суды и расправы по гражданским искам» [52].

«Прививание» Россией элементов своей правовой культуры кабардинцам имело целью преодоление тех черт традиционного уклада кабардинских феодалов, которые были слабо приемлемы для российского видения взаимоотношений с народами Северного Кавказа. Однако большая часть кабардинских феодалов и протурецки настроенное мусульманское духовенство Кабарды выступили против судебных нововведений, усматривая в них покушение на традиционные «права» и «вольности» [53]. Можно отметить, что «горизонтальная» социальная организация кабардинцев объективно не нуждалась в административно-политических конструкциях, связанных

с российской властью в регионе. Однако и Россия не могла действовать в ущерб собственным интересам, на все времена соглашаясь с традиционалистской схемой устройства Кабарды в условиях возобновившейся в 1793 г. деятельности среди кабардинцев турецких агентов [54]. Сначала слабо организованные антироссийские выступления в Кабарде приобретают характер «шариатского движения», направленного на установление «духовного суда» [55].

Очевидно, что в Кабарде существовали и пророссийская, и протурецкая «партии», чему способствовали регулярные усобицы князей. Но надо заметить, что интегрирование в российское «государственно-правовое поле» не вызывало восторга и у ранее пророссийски настроенных феодалов, что проявилось уже в ходе восстания 1794 г.

Российские власти по-прежнему пытались заручиться поддержкой кабардинского «черного народа» в противовес «фрондирующим» феодалам, что привело к соответствующей реакции со стороны последних. При этом очередные данные кабардинскими феодалами присяги на верность России не выполнялись [56].

Представляется, что «шариатское движение» как возможный вариант трансформации кабардинского общества возникло во многом не в следствие учреждения «родовых судов» и «расправ» (и тем более не в силу некоей «колониальной политики», в которой Россия декларативно и догматизированно обвиняется на протяжении целого ряда десятилетий), а в значительной степени по внутренним причинам. К ним можно отнести рост влияния духовенства на фоне общей исламизации, а также необходимость консолидации феодалов перед опасностью выступлений крестьян, находившихся в жесткой зависимости.

В начале-середине 90-х гг. XVIII в. стратегически важным для российской политики регионом оставался Дагестан, где продолжалось соперничество российской империи, Турции и Ирана. После поражения в войне 1787 – 1791 гг. Османская империя, подстрекаемая западноевропейской дипломатией, стремилась вернуть утраченные

позиции на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье. К тому же именно в это время Иран вышел из династических распрей, и пришедший к власти Ага-Мухаммед-хан имел широкую программу экспансии на Кавказе, пытаясь завуалировать ее показным миролюбием по отношению к России [57]. И турки, и иранцы не оставляли попыток «переориентировать» на себя феодальных владетелей Дагестана [58].

В то же время группы северокавказских горцев, заселявшие равнины Северо-Восточного Кавказа с разрешения российских властей, не прекращают набегов на Кавказскую Линию в нарушение ранее принятых «подданнических присяг» [59].

Для обеспечения безопасности российских рубежей в регионе, определявшихся Кавказской Линией, в 1792 г. принимается решение заселить правобережную Кубань казаками Черноморского и Донского войск. Под защитой казачьих крепостей и станиц начинается заселение этого района и другими группами российских переселенцев [60].

Практически сразу после расселения казаков в Черномории и на Линии (то есть по Средней Кубани) начинаются горские набеги с целью захвата людей, скота и имущества, убытки от которых исчислялись тысячами рублей [61]. Если учесть, что возводимые Россией укрепления располагались не на адыгских землях [62] и российские высшие власти отказались накануне от рассмотрения варианта присоединения Закубанья в ходе османо-российской войны 1787 – 1791 гг., набеги западных адыгов можно оценивать как «промысловые».

Тем не менее российская сторона пыталась наладить торговый обмен с «закубанцами», местами довольно льготный для последних. В 1795 г. на Черноморской кордонной линии было создано три меновых двора [63].

В начале-середине 90-х гг. XVIII в. замедляются темпы христианизации осетин и ингушей, в связи с этим в 1793 г. была упразднена Осетинская духовная комиссия [64].

Осуществленный в 1795 г. Ага-Мухаммед ханом иранским разгром Восточной Грузии, находившейся под российским протекторатом, поневоле склонил Россию к активизации политики на Восточном Кавказе. В 1796 г. происходит «персидский поход» российских войск под начальством генерал-поручика графа Зубова. Данный ему Екатериной II рескрипт предполагал перспективу постепенного интегрирования Дагестана в российское политическое, правовое и культурное пространство [65].

В ходе «персидского похода» влияние России и в Дагестане, и на Восточном Кавказе в целом заметно возросло, и сам поход к концу 1796 г. был близок к победному завершению. Однако представляется, что утвердить за собой оказавшиеся под ее контролем территории Восточного Кавказа было для России весьма проблематично в силу причин как внутренних, так и внешних [66].

«Персидский поход» был прекращен по личному распоряжению императора Павла I, вступившего на престол в конце 1796 года. Данный шаг рассматривался как признак колебаний и нерешительности и в обобщающих кавказоведческих трудах советского периода [67], и в дореволюционной историографии [68].

Сложнее определить истинные причины такого поворота российской кавказской политики (если не сводить все к констатации большого желания Павла I делать все наперекор своей матери, как то было характерно для многих и дореволюционных, и советских историков). С. Жигарев, следуя в известной мере стандарту противопоставления Павла I и Екатерины II, утверждал, что «император Павел I (1796 – 1801) выразил желание в делах внешней политики России не следовать правилам своей родительницы, соображенных на взглядах «приобретений»... совершенно отказался от всякого желания завоевания [69]. Существовало мнение, что осложнение обстановки в Западной Европе требовало от Павла I поступиться частью интересов империи на Кавказе [70].

Комментируя точку зрения С. Жигарева, можно заметить, что екатерининская политика на Северном Кавказе была не столь уж

направлена на завоевания ради завоеваний. Здесь же можно оговориться, что значимые для России осложнения внешнеполитической ситуации в Европе начались еще в конце правления Екатерины II.

Относительно оценки характера кавказской политики Павла I существует немалый «разброс» мнений историков [71].

Но, так или иначе, кавказская политика Павла I (а мероприятия на Северном Кавказе — ее органическая и неотъемлемая часть) претерпела в сравнении с предыдущим правлением ряд существенных изменений, нуждающихся в анализе.

Свое видение кавказской политики Павел I изложил тогдашнему командующему на Кавказской Линии генералу И.В. Гудовичу в рескриптах начала 1797 г. Прекратив «персидский поход», Павел I рассчитывал умиротворить Иран и Турцию, планировал создание пророссийской «федерации» из владетелей Восточного Кавказа, что, по мысли императора, должно было избавить Россию от необходимости вступаться за них «вооруженной рукой» перед лицом тех же восточных держав. Просматривается «вассальное» понимание Павлом I статуса горских народов, желание невоенных мер в урегулировании местной обстановки. В «программных» павловских рескриптах наблюдались поиски российским правительством наиболее приемлемых вариантов взаимодействия с народами Северного Кавказа и некоторыми областями Закавказья. Будучи информированным о положении в Кабарде, император не стремился к расширению «географии» элементов российского судопроизводства в регионе [72].

Период с конца 1796 по 1799 год можно выделить в отдельный своеобразный этап в кавказской политике Павла I. Его нельзя однозначно назвать ослаблением России в регионе, скорее, следует отметить как попытку реализации тех «программных установок», которые были изложены в рескриптах Павла I в начале 1797 г.

С конца 1796 г. по конец 1798 г. в значительной степени наблюдался отказ от протектората над Восточной Грузией. Это можно

связать и с утопичными на поверку расчетами Павла I по умиротворению Ирана, и с павловским же планом включения Грузии в «федерацию» горских владетелей Восточного Кавказа [73].

Хотя «персидский поход» и был прерван Павлом I, российская политика в Дагестане имела немалую преемственность с предшествующим временем. Это проявилось в небезуспешных попытках поддержания российского «подданства» среди ряда дагестанских феодалов, которым выражалась благодарность и за недавние антиперсидские действия. По-прежнему опорой российского влияния на Северо-Восточном Кавказе оставался шамхал тарковский, самый крупный феодальный владетель Дагестана [74].

Однако дагестанские феодалы испытывали политический нажим со стороны Ирана, который не собирался сдавать позиции в регионе. Не собиравшийся «умиротворяться» Ага-Мухаммед хан разослал им фирманы вполне недвусмысленного содержания [75]. Поэтому пророссийски настроенные владетели оказались в весьма сложном положении.

Можно предполагать, что изначально Павел I не мог спрогнозировать модель поведения дагестанских феодалов в изменившихся условиях (отзыв корпуса В.А. Зубова и проект «федерализации»), отсюда проистекала известная осторожность, в принципе не противоречившая, правда, предшествующей методике действий российской стороны в регионе.

Среди дагестанских владетелей, кроме пророссийской, продолжали существовать и проиранская, и протурецкая «партии», имевшие, в частности, конкретный интерес – продолжение набеговой экспансии на Восточную Грузию [76].

Представляется, что действия России в Дагестане определялись реальными обстоятельствами и политическими умонастроениями местных владетелей, вряд ли осведомленных о нюансах «федеративного проекта» императора Павла I. К тому же между дагестанскими феодальными владетелями традиционно существовали противоречия, распри и военные столкновения.

Российское военное командование на Кавказской Линии, кизлярские коменданты пытались быть арбитрами в местных «усобицах». Но стоило им поддержать одного из участников раздора, другой (другие) обращались за помощью к Ирану или Турции. Вместе с тем, если бы российская сторона не пыталась выступать арбитром в урегулировании местной обстановки, эти функции, со всеми вытекающими последствиями, однозначно перешли бы к восточным державам.

Важным моментом для общей оценки павловских подходов к разрешению противоречий обстановки на Северном Кавказе явилось допущение разбирательства дел в Верхнем пограничном суде в Моздоке по законам местных народов, а также фактическое подчинение его Коллегии иностранных дел. Приставы к горским народам тоже должны были назначаться из Коллегии иностранных дел [77].

Степень реализма данных нововведений (несмотря на их явную концептуальность) остается дискуссионной. Это определяется различными «цивилизационными» и конфессиональными особенностями «своих судов» местных народов и Верхнего пограничного суда, а также степенью компетентности присланных от Коллегии иностранных дел чиновников в качестве администраторов на Северном Кавказе.

Тем не менее это была попытка (не первая и не последняя со стороны России) апробации своеобразной модели отношений с северокавказскими народами.

По-прежнему большей сложностью, чем с феодальными владетелями, отличались контакты российских властей с «вольными» обществами, хотя и здесь накануне вступления Павла I на престол были случаи присвоения российских воинских званий некоторым чеченским старшинам [78].

В то же время продолжают чеченские набеги на Кавказскую Линию и во внутренние районы Кавказа [79]. Наличие последнего направления набеговой активности ярко свидетельствует о грабительской сущности набегов, несводимости их к каким-либо

«партизанским мерам» борьбы с «колониальной экспансией» России [80]. Интересно, что набеги осуществлялись и из тех земель, на которые чеченцы сселялись с разрешения России.

Мощную инерцию набегам в российские пределы давал конфессиональный фактор. Вместе с тем данная констатация не позволяет сводить весь спектр проблематики российско-горских взаимоотношений к «мусульманскому повстанчеству» в регионе против России [81]. Ибо если это бы было так, османские призывы к «священной войне» против русских находили бы однозначную поддержку у местного населения, чего не отмечалось в ходе османо-русских войн второй половины XVIII в. и не будет отмечаться во время последующих войн двух империй в веке XIX-м. Следует, видимо, признать, что исламский фактор не являлся самодостаточным явлением, а наслаивался на особенности горского традиционного уклада по части освещения набеговой экспансии, придания ей антирусской, антихристианской направленности. Но это в принципе не исключало позитивных контактов российских властей с местным населением, в массе своей исповедовавшим ислам или находившимся в процессе исламизации.

...Концептуально интересно то, что в документах последних лет XVIII в., исходящих от российского командования, чеченцы упоминались среди других «подвластных» империи народов [82].

Нюансы обстановки на Северо-Восточном Кавказе в первые месяцы правления Павла I определялись последствиями прекращения «персидского похода» 1796 г. Именно таким последствием было переселение 500 семей армян, поселенных на Кавказской Линии. Большое количество армян в 1797 г. разместилось в Моздокском и Кизлярском уездах Кавказской губернии, причем основная масса этих переселенцев обосновывалась в Кизляре и Моздоке [83].

Непростой в 1797 – 1798 гг. оставалась обстановка в Кабарде. «Подданническая присяга» Павлу I состоялась здесь лишь в конце 1797 г., да и то под военным нажимом [84].

Присяга кабардинцев Павлу I не свидетельствовала о каком-то неопределенном статусе Кабарды в понимании российского императора, просто в то время (да и позднее) повторные, в сущности, присяги принимались в случае изменения внешнеполитических обстоятельств и перемен на российском престоле. С другой стороны, понуждение кабардинцев к присяге позволяет предполагать, что предшествующее начало сопротивления родовым судам и расправам, стремление кабардинских феодалов к доминированию на Центральном Кавказе обуславливали скрытое нежелание немалой части кабардинских социальных верхов признавать себя подданными России.

Кроме прочего, кабардинским князьям теперь не нравилось общение российских властей с балкарцами «напрямую» [85].

Вместе с тем в Кабарде вызревало «шариатское движение», начало которого принято относить к 1799 г. [86]. Движение возглавил Адиль-Гирей Атажукин, брат Измаила Атажукина, подполковника российской армии.

Просматривается тенденция, что кабардинские феодалы были не против жить с Россией в мире (в своем его понимании), но такое мирное сосуществование не предполагало признания статуса Кабарды после 1774 г., зато предусматривало сохранение собственного доминирования над народами Центрального Кавказа. Подобная схема была неприемлема для России, а любые интеграционные мероприятия российских властей торпедировались и феодалами, и духовенством, традиционно протурецки настроенным.

На Северо-Западном Кавказе в первые два года павловского правления российская сторона была занята по-преимуществу контролем границы по р. Кубань и отражением набегов западных адыгов, формально подвластных Турции. Набеги эти были весьма частыми и не слишком обремененными идеей «освободительной борьбы», имея промысловый характер [87]. Правда, нельзя сбрасывать со счетов недавнее участие «закубанцев» в антироссийских действиях шейха Мансура, что обуславливало религиозное побуждение к

набегам, а также происки беглых кабардинских феодалов. К тому же и Османской империи были объективно выгодны новые «неспокойствия», доставляемые горцами российской стороне. Поэтому предельно спорным выглядит утверждение, что «в целях самозащиты черкесские отряды стали устраивать нападения на Черноморскую Линию, стремясь отодвинуть ее от своих непосредственных границ» [88].

Не менее частыми и разорительными были набеги западных адыгов на поселения Линейного казачества Средней Кубани [89].

Таким образом, набеги горцев становились почти повседневной реальностью. А ведь еще в конце екатерининского правления Россия пыталась наладить с западными адыгами экономические связи, даже с предоставлением им значительных льгот [90], однако ценности традиционного уклада в сознании закубанцев тогда часто перевешивали стремление к мирному сосуществованию.

В отражении грабительских рейдов Россия в 1797 – 1798 гг. использовала тактику укрепления кордонных линий и разведки планов набегчиков [91], степень эффективности которой была недостаточной.

Преследование участников набегов на левом берегу Кубани практически запрещалось Павлом I в контексте и без того непростых отношений с Турцией, и самовольные действия за Кубанью с целью возмещения ущерба от набега («барантование») влекли за собой наказание виновных [92]. Такой подход сохранялся вплоть до заключения 23 декабря 1798 г. «союзного и оборонительного» договора с Османской империей [93], обусловившего заметное ослабление напряженности на Северном Кавказе и в Закавказье.

Показательно, правда, и то, что анапские турецкие власти были не в состоянии ни предотвратить набеги «закубанцев», ни полностью возместить российской стороне убытки от них, так как западные адыги (в том числе согласно уровня своего стадийного развития) фактически не признавали себя подданными Порты [94]. Но туркам, в принципе, было и не обязательно действительное их подчинение, для

того чтобы иметь в Закубанье плацдарм на случай антироссийских действий.

Взаимоотношения с западными адыгами и России, и Османской империи невозможно анализировать без учета особенностей стадияльного уровня первых. Оценка стадияльного уровня западных адыгов достаточно дискуссионна в исследованиях дореволюционных, советских и современных российских кавказоведов [95]. На фоне данной дискуссионности в последние годы вышел ряд научных работ, где вольно или невольно завышается уровень социально-политической организации «закубанцев», исходя из априорной установки о существовании у них государственности [96].

С подобной позиции весьма специфично рассматривается характер взаимоотношений западных адыгов и с Россией, и с Османской империей, а до 1783 года — и с Крымским ханством.

Закубанцы действительно не признавали власть анапской турецкой администрации, а попытки турок в конце XVIII в. создать у них подобие административной системы с опорой на местную аристократию фактически провалились [97]. Однако весьма важно то, почему западные адыги не признавали себя подданными Османской империи: то ли по причине наличия у себя собственных институтов государственной власти, то ли, напротив, по причине их отсутствия, а следовательно, неимения традиции интеграции в государственную систему управления. Второе предоставляется более соответствующим исторической действительности и конца XVIII, и начала XIX века. Данный фактор, в совокупности с набеговой системой и внешнеполитическими обстоятельствами, создавал труднопреодолимые препятствия во взаимоотношениях закубанских адыгов с Российской империей в широком хронологическом диапазоне.

Показательно, что попытки автоматического придания государственного статуса феодальным владениям и даже «вольным» обществам Северо-Восточного и Центрального Кавказа тоже достаточно распространены среди части современных кавказоведов, они не только дезориентируют перспективы исследования стадияль-

ного уровня местных народов, но и закономерно затрудняют объективный анализ российско-северокавказского взаимодействия [98].

...И все же контакты российской стороны (в частности, казачества) с «закубанцами» не могли исчерпываться столкновениями. Происходит «меньба» соли на хлеб, наблюдаются элементы сотрудничества российских властей и социальной верхушки западных адыгов [99]. Правда, как и на Северо-Восточном Кавказе, последний аспект был характерен для взаимодействия с «владельческими князьями», а не с «вольными» обществами.

Несмотря на первоначальный запрет, Павел I разрешает принимать в «свое подданство» перебежчиков из Закубанья, но без права феодалов на начальство над единоплеменниками внутри Кавказской Линии, в рамках Астраханской губернии (в которую император переименовал Кавказское наместничество) [100].

Хотя изначально Павел I предписывал контролировать обстановку на Северо-Западном Кавказе без привлечения дополнительных войск, в 1798 г. обстоятельства потребовали строительства новых укреплений, близких к Кубани. Кавказская Линия была усилена военной линией по р. Малке, укрепления возводились и в верховьях Подкумка [101]. Это должно было сблизить военные линии, проходившие по Тереку и Кубани, следовательно, имело задачи стратегические, а не колонизационные.

Укрепление позиций России в регионе в конце XVIII в. было немислимо без использования казачества. Уже в первые два года правления Павла I по отношению к казачеству обозначились принципы и тенденции, свидетельствовавшие о продолжении процесса его подчинения государственной власти (тенденция эта сохранится и в последующем). Кавказское казачество при Павле I предполагалось превратить в надежный инструмент проведения государственной политики, из чего, однако, не вытекает, что император готов был видеть казачество социальным слоем, пользующимся неограниченными привилегиями среди местных народов [102].

«Союзный и оборонительный договор» с Турцией и изменение взгляда Павла I на перспективы отношений с Восточной Грузией повлияли на обозначившуюся в 1799 г. активизацию российской политики на Северном Кавказе.

Как и ранее, главным объектом внимания российской политики на Северо-Восточном Кавказе оставался Дагестан. Продолжались контакты с местными владетелями — «подданными» России, налаживались связи с феодалами, проявлявшими пророссийскую ориентацию. Пророссийские владетели получали чины, а иногда и генеральские звания (Мехти шамхал тарковский) и вновь приводились к присягам [103]. Вместе с тем среди местных владетелей четко и надолго обозначилась группировка с труднопредсказуемой внешнеполитической ориентацией во главе с Шейх-Али-ханом дербентским и Сурхай-ханом казикумухским [104].

Избавившись от химеры умиротворения Ирана, Павел I предписывал дагестанским владетелям, своим «подданным», в случае агрессии персов действовать совместно с войсками ген-лейт. К.Ф. Кнорринга (нового командующего на Линии), что выглядит коррективной ранних предписаний о полном военном невмешательстве в защиту замышляемой федерации от внешних врагов [105].

В условиях постоянных усобиц дагестанских феодалов их «федерализация» затруднялась, поэтому российская администрация старалась действовать осмотрительно. Осторожность и осмотрительность были в достаточной мере присущи ген.-лейт. К.Ф. Кноррингу, явившемуся, пожалуй, наиболее подходящим исполнителем предписаний императора Павла.

В 1799 – 1800 гг. российской администрации пришлось столкнуться с фактами, когда владетели Дагестана искали российского покровительства для достижения планов, в сущности, антиросийских и антигрузинских. Наиболее яркий пример – Умма-хан аварский, фактически отстаивавший вместе со своими союзниками (и при иранской поддержке) «право» на грабеж Картли-Кахетии, в отношении которой Россия начинала процедуру присоединения [106].

Осложняла отношения российских властей с рядом кумыкских феодалов проблема «пленопродавства», органически связанная с набеговой экспансией в Грузию [107].

Нестабильность на Северо-Восточном Кавказе на рубеже XVIII – XIX вв. определялась и набегами чеченцев. В 1800 г. К.Ф. Кноррингу удается дипломатическим нажимом без применения силы склонить равнинных чеченцев к очередной присяге и отказу от набегов на Кавказскую Линию [108].

Для российской стороны по-прежнему трудно было добиться исполнения чеченцами подданнических присяг, хотя бы уже потому, что последние (как в принципе и другие этнические группы региона) не могли и не хотели отказываться от набегов как составной части традиционного уклада. Явно догосударственный уровень развития чеченцев, отсутствие у них соответственных «феодалных кадров» также затрудняли их взаимодействие с российской стороной. «Репрессалии» за набеги периодически обрушивались и на «мирных» чеченцев, ответственных за недопущение набегов на Кавказскую Линию, но, как правило, не выполнявших данное условие. Неоптимальность ответных мер России не могла здесь перевесить иную крайность: в случае непринятия подобных мер набеги возросли бы лавинообразно.

На рубеже 1800 – 1801 гг. проблема взыскания за набеги осложнила обстановку на Северо-Восточном Кавказе в целом [109]. А так как на проведение каждой репрессалии ген.-лейт. К.Ф. Кнорринг «испрашивал» высочайшего разрешения, местные российский власти были фактически лишены возможности оперативного реагирования на кризисные ситуации.

В зоне пристального внимания российской администрации в 1799 – 1801 гг. оставалась Северная Осетия (чье российское подданство по-прежнему фактически оспаривали кабардинские феодалы). Теперь это определялось и подготовительными мероприятиями по присоединению к России Восточной Грузии, необходимостью благоустройства Военно-Грузинской дороги. Как и

все горцы региона, осетины не были чужды набеговых «предприятий», что создавало известные проблемы [110]. Это может свидетельствовать о недостаточной христианизации осетин, об охране ими традиционного уклада [111].

В 1799 г. продолжалось весьма льготное расселение и обустройство на Северо-Восточном Кавказе и в Предкавказье армян, покинувших Закавказье с прекращением «персидского похода». Армянские переселенцы получали ряд привилегий и элементов внутренней автономии [112], что можно сопоставить с павловскими распоряжениями по управлению некоторыми западными «иноэтничными» областями государства [113].

В 1799 – 1801 гг. обстановка в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе в значительной степени определялась теперь уже в полном объеме начавшимся в среде кабардинских социальных верхов шариатским движением. Лидерам движения Адиль-Гирею Атажукину и Исхаку Абукову удалось консолидировать кабардинскую аристократию, многочисленное узденство и, разумеется, мусульманское духовенство [114].

Попытки К.Ф. Кнорринга добиться восстановления функционирования родовых судов и расправ имели эффект кратковременный [115], а бежавший за Кубань Адиль-Гирей Атажукин не без успеха разворачивает антироссийскую агитацию среди местных народов и налаживает контакты с турками в Анапе [116]. В то же время Адиль-Гирей стремился вывести из Кабарды своих подданных и «согласил почти весь абазинский народ... уйти за Кубань, обещая им полную не от кого независимость». Этому помешало лишь вмешательство российских войск [117].

Анализ событий позволяет утверждать, что шариатское движение имело целью не только установление духовного суда в Кабарде, но и масштабный подрыв позиций России на Северном Кавказе.

Следует заметить, что в программе «шариатистов» содержались элементы идей социального равенства, не шедшие, правда, дальше

равенства внутри различных слоев господствующего класса Кабарды. Весьма вероятно, что эти идеи были навеяны Французской революцией, о которой Адиль-Гирей мог узнать от своего брата Измаила Атажукина, европейски образованного российского офицера, с которым он находился некоторое время в ссылке в Екатеринославле [118].

В мае 1800 г. К.Ф. Кноррингу удается, используя агитацию пророссийски настроенной части кабардинских феодалов и угрозы применения силы, склонить кабардинцев к очередной «подданнической присяге» и отказу от «клятвы к введению духовного суда». Были проведены выборы нового состава родовых судов и расправ [119]. Вместе с тем подавить движение как таковое не удалось, и вскоре волнения в Кабарде возобновились.

К 1800 г. относится рескрипт Павла I, где признается более вассальное, чем подданническое, положение горских народов по отношению к России. Однако призыв Павла I «меньше мешаться в дела горских народов, покуда не будут касаться до границы нашей» [120] в контексте масштабов и целей шариатского движения не мог быть примененным в полном объеме.

К тому же постоянной бдительности российских властей требовала обстановка на Северо-Западном Кавказе. И хотя по договору с Турцией российская сторона могла преследовать участников набегов за Кубанью и более настоятельно требовать у турецких властей в Анапе возмещения за «уворованное», набеги «закубанцев» на Кавказскую Линию не ослабевали [121]. Основной мерой со стороны российских властей и казачества оставалось укрепление кордонов [122], что само по себе не могло предотвратить «прорывы» из-за Кубани.

В 1800 г. был образован новый кордон от Тамани до Усть-Лабинской крепости, что тоже не привело к стабилизации обстановки [123].

В то же время продолжались и переходы на российский берег Кубани для жительства части ногайцев и западных адыгов, разрешенные в конечном итоге Павлом I в августе 1800 г. [124].

Переходы части западных адыгов на российский берег Кубани могли быть связаны не только с традиционными и постоянными усобицами в местной среде, но и с долговременными последствиями борьбы между западноадыгскими «аристократическими» и «демократическими» племенами, важной вехой которой стала Бзиюкская битва июня 1796 г. [125].

Заметим, что на длительную перспективу менее социально стратифицированные, не имевшие феодальной аристократии, но в достаточной мере ориентированные на набеговый промысел «демократические» племена будут представлять для российских властей намного большую проблему, чем племена «аристократические».

Довольно показательным представляется подход Павла I к урегулированию конфликта, возникшего между переселившимися из Астраханской губернии на Дон калмыками и Донским казачьим войском. В итоге император встал на сторону калмыков, «отлучил» от власти над ними войсковое начальство и наделил их немалыми привилегиями [126]. Это можно трактовать как факт признания вассального статуса калмыков в границах империи, что косвенно подтверждает «вассальное видение» Павлом народов Северного Кавказа.

Несколько сложнее складывались отношения российских властей с ногайцами. Если их действия затрагивали региональные интересы России, не исключалось и применение силы. В то же время российская администрация должна была защищать ногайцев от набегов западных адыгов [127].

Вассальное видение Павлом I статуса местных народов проявилось в 1800 г. в назначении приставом «к делам калмык и других азиатских народов» коллежского советника Коллегии иностранных дел Макарова. «Наставление» Макарову и другие нюансы региональной политики позволяют утверждать, что правительство Павла I не рассматривало на ближайшую перспективу возможность распространения на горские и кочевые народы Северного Кавказа конкретных российских административных порядков и

предпочитало дипломатические способы в разрешении конфликтных ситуаций (в том числе связанных с набегами) [128].

Предписания коллежскому советнику Макарову являлись, по сути, попыткой введения элементов гражданского управления народами Северного Кавказа – «вассалами» России. Однако, этнополитическая специфика региона объективно не способствовала развитию данного проекта. К тому же Макаров все равно зависел от военных властей и был объективно не в состоянии самостоятельно контролировать ситуацию в регионе.

«Вассальное видение» императором Павлом I местных народов предусматривает осознание немаловажного нюанса. Вассалитет в европейском его понимании предполагает государственный уровень развития и общества в целом, и представителей феодальной иерархии. На Северном Кавказе ситуация была иной: у местных этнических групп не только не было государственности в адекватном восприятии данного понятия, но и слабо прослеживалась социальная стратифицированность общества. Отсюда неизбежно проистекали проблемы наполнения «вассалитета» конкретным содержанием. Ведь вассальное служение никак не должно предполагать грабежи и разбои на земле «сеньора». В то же время горцы, как правило, воспринимали свои «подданнические» присяги как получение прав без каких-либо обязанностей, противоречивших их традиционному укладу.

В целом можно утверждать, что Павел I предполагал преобладание мирных способов в разрешении противоречий северокавказской обстановки.

Присоединение к России в 1801 г. Восточной Грузии обусловило изменение взгляда российского правительства на взаимоотношения с северокавказскими народами на перспективу, так как Северный Кавказ становился тыловой территорией, причем довольно беспокойной в силу как внутренних факторов, так и внешнеполитических причин. Подобная «самобытность» горцев существенно затрудняла сообщения с уже присоединенной Восточной Грузией, которая в силу многовекового опыта государственности довольно быстро

вовлекалась в систему российского государственного управления. Северокавказские же народы можно соотнести с государственным уровнем развития только с максимальным и презентивным, по сути, преувеличением. Уже этот фактор делал затруднительным приведение к «общему знаменателю» грузинских и северокавказских подданных России в начале XIX в. Российским властям при Екатерине II и Павле I не удалось добиться прекращения набегов горцев на Кавказскую Линию и феодальных усобиц.

Примечания

1. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. – С. 11 – 12.

2. См.: Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775 – 1800 гг. – М., 1959. – С. 92; Арапов Д.Ю. «Манифест» 8 апреля 1783 г.: подготовка, принятие, международное признание // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). – М., 2002. – С. 231.

3. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003. – С.34; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV – XVIII вв. (проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). – Махачкала, 2000. – С. 452.

4. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Указ. соч. – С. 34.

5. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778 – 1793. – Краснодар, 1992. – С. 190 – 210.

6. РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. 6. Л. 68-68 об; Л. 107.

7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 450.

8. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005. – С. 34.

9. ИНСК Т. 1. – С. 452.

10. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. – Краснодар; Армавир, 2004. – С. 9 – 28.

11. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
12. Кипкеева З.Б. Указ. соч. – С. 19 – 26.
13. Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVI – XVIII в.): Дис. ... к.и.н. – М., 1998. – С.76, 100.
14. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 50-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе, 1970. – С. 269; Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII – XX вв.). – Орджоникидзе, 1980. – С. 61 – 62.
15. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 103.
16. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 9. Л. 370-370 об; См. также: Виноградов Б.В. Из опыта интегрирования северокавказских горцев в российскую государственную систему в конце XVI II – начале XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 1. – С.56 – 57.
17. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 331. Ч. 1. Л. 22; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 4. Л. 133; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 3/2. Л.305.
18. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 286. Ч. 1. Л. 121, 143.
19. Боцвадзе Г.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI – XVIII вв. – Тбилиси, 1974. – С. 82 – 93.
20. Джахияев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. – Махачкала, 1985. – С. 69.
21. Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических и культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). – Грозный, 1975. – С. 43. См. также: ПСЗРИ Т. XXII. № 16113, 16210; Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Пятигорск, 2002. – С. 64.
22. См.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой

половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007.

23. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. 1784 г. Оп. 115/1. Д. 1. Л.1-4; ЦГАРД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 125. Л. 27.

24. АВПРИ. Ф. 118. Кизлярские и Моздокские дела. 1774 – 1785 гг. Оп. 118/1. Д. 14. Л. 1, 2 – 5.

25. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2, 3. – СПб., 1869. – С. 165.

26. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Ч. 7. Л. 19; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974. – С. 163, 164, 166, 169; ИНСК. Т. 1. – С.444 – 445.

27. Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С.123 – 133.

28. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика русского царизма на Северо-Восточном Кавказе как главная причина борьбы горцев за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 – 50-х годах XIX в. – Махачкала, 1994. – С. 8.

29. Северный Кавказ в составе Российской империи... – С. 97.

30. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1887. – Вып. 6. – С. 26; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. – С. 182.

31. Лаудаев У. Указ. соч. – С. 60.

32. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.133 – 138.

33. Там же. – 139 – 140.

34. Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991. – С. 26.

35. Бенингсен А. Народные движения на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785 – 1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). – Махачкала, 1994. – С. 59.

36. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722 – 1825). – Нальчик, 1998. – С. 113.
37. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 336. Ч. 2. Л. 65, 69, 70, 233 – 233 об.; Ч. 1. Л. 187, 188; Ч. 4. Л. 15 – 17, 89, 91, 109, 112.
38. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. – М., 1988. – С. 198 – 199.
39. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.145 – 147.
40. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: В 2 т. – М., 1957. – Т. 2. – С. 376 – 378.
41. ИНСК. Т. 1. – С. 459.
42. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1978. – С. 25.
43. Ктиторова О.В. Абазины Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конца XVIII – начала XX в.: Автореф. дис. ... к.и.н. – Краснодар, 2002. – С. 17.
44. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... – С.50 – 51.
45. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.153 – 154.
46. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. 1763 – 1792. Оп. 115/2. Д. 15. Л. 233.
47. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 50-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе, 1970. – С. 268.
48. ИНСК. Т. 1. – С. 452.
49. АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. 2. – С. 123 – 124.
50. АКАК. – Тифлис, 1866. – Т. 1. Ч. 2. – С. 716, 723 – 724.
51. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. Л. 41 – 42.
52. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. – С. 265.
53. Там же.
54. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. – СПб., 1886. – С. 296.

55. См.: Туганов Р.У. Шариатское движение против царизма в 1799 – 1807 гг. // Живая старина. – 1991. – № 1.
56. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.171 – 173.
57. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 284.
58. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/6. 1791 – 1793 г. Д. 486. Л. 35 – 36.
59. АКАК. Т. 1. Ч. 2... – С. 716, 723 – 724; Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783 – 1816 годах // Научная мысль Кавказа. – 2004. – № 1. – С. 53.
60. ИНСК. Т. 1. – С. 462.
61. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57.
62. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... – С.38 – 39.
63. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 – 1 об, 4 об; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 222. Л. 18; Д. 332. Л. 11 об; Д. 337. Л. 17.
64. АВПРИ. Ф. 115. 1763 – 1792 г. Оп. 115/2. Д. 15. Л. 229 – 233; Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М. – Пятигорск, 1992. – С. 88.
65. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 2799. Л. 6 – 9.
66. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.181 – 182.
67. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) – М., 1988. – С. 15.
68. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3... – С. 204.
69. Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. – М., 1896. – С. 243.
70. История дипломатии. Т. 1. – М., 1941. – С. 353.

71. Виноградов Б.В. Кавказская политика Павла I: мнения и оценки // Вопросы северокавказской истории. – Вып. 3. – Армавир, 1998. – С. 46 – 57.
72. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. – С. 199; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 298.
73. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796 – 1801 гг.). – Армавир – Славянск-на-Кубани, 1999. – С. 11 – 15.
74. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/6. 1799 – 1800 г. Д. 472. Л. 145, 148, 195, 228; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/6. 1792 – 1798 г. Д. 484. Л. 680 – 682.
75. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/6. 1791 – 1800 г. Д. 472. Л. 228.
76. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/6. 1799 – 1800 г. Д. 490. Л. 316; Романовский Н. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. – С. 84.
77. АВПРИ. Ф. 118. Оп. 118/1. Д. 19. Л. 2, 3, 4, 5.
78. Колосов Л.Н. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII – XIX в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982. – С. 307.
79. АКАК. Т. 1. Ч. 2... – С. 716, 723 – 725.
80. См.: Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе. Круглый стол // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 2. – С. 54.
81. Северный Кавказ в составе Российской империи... – С. 95, 96.
82. Волкова Н.Г. Указ. соч. – С. 119.
83. ИНСК. Т. 1. – С. 457, 460.
84. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 306.
85. Хакулова Л.М. Российско-кабардинские отношения в 60 – 90-х годах XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Грозный, 1985. – С.143.
86. См.: Туганов Р.У. Указ. соч.
87. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 2, 32 – 32об, 114, 123, 133, 144 – 144об, 149, 170 – 170об, 270 – 271, 278.
88. Чирг А.Ю. Краткая история Черкесии (с древнейших времен до начала XIX века) // Гибель Черкесии. – Краснодар, 1994. – С. 35.
89. ГАСК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 460. Л. 1; Д. 57. Л. 38.

90. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 об-2, 4 об.
91. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 1, 2, 5, 11 – 12.
92. Колесников В.А. Донцы на Кубани. – Ставрополь, 1995. – С.20.
93. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. – СПб, 1901. – С.398.
94. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 58, 61, 66 – 66 об, 196; Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 64 – 64 об, 65.
95. См. подробно: Пчегатлук С.К. Социальный строй западных адыгов в первой трети XIX века (к историографии проблемы) // Информационно-аналитический вестник. – Вып.3. – Майкоп, 2000. – С. 32 – 41; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004. – С.109 – 120.
96. См., например: Панеш А.Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30 – 40-х гг. XIX в. // Информационно-аналитический вестник. – Вып. 5. – Майкоп, 2002; Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой половине XIX века // Информационно-аналитический вестник. – Вып. 6, 7. – Майкоп, 2003; Чеучева А.К. Политика Турции по отношению к Черкесии в конце XVIII – начале XIX в. // Информационно-аналитический вестник. – Вып. 8. – Майкоп, 2004 и др.
97. Чеучева А.К. Указ.соч. – С. 127 – 128.
98. См.: Виноградов Б.В. К оценке стадийного уровня горских народов в контексте исследования российско-северокавказских взаимоотношений // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). – Армавир, 2007. – С. 62 – 66.
99. ГАКК. Ф. 249 Оп. 1 Д. 365. Л. 6, 20, 25 – 25об, 39 – 39 об. Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Пятигорск, 2002. – С. 108; ГАКК. Ф.250. Оп. 1. Д. 57. Л. 260 – 260 об.

100. АВПРИ. Ф. 115. 1796 – 1799 г. Оп. 115/II. Д. 3. Л. 4 – 4 об, 5; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Социально-экономический очерк. – Краснодар, 1989. – С. 151 – 153.
101. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. – С. 203; ИНСК. Т. 1. – С. 462 – 463.
102. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI – XVIII вв.). – СПб, 1996. – С. 213 – 214; Виноградов Б.В. Северокавказское казачество и государственная власть: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XVIII – первой половине XIX в. // Казачество юга России: история и современность. – Краснодар, 2002. – С. 38.
103. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 314; Джахияев Г.А. Указ. соч. – С. 20.
104. АКАК. Т.1 ... – С. 642, 643.
105. АКАК. Т. 1... – С. 110.
106. Там же. – С. 108, 136, 137, 142, 144, 165 – 167, 170, 175 – 177.
107. ЦГАРД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 125. Л. 27; АКАК. Т. 1... – С.186 – 187, 731; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 323; Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. – Вып. 9. – Армавир, 2004. – С. 21.
108. АКАК. Т. 1... – С. 715, 716, 723 – 724; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003. – С. 133.
109. АКАК. Т. 1... – С. 733 – 735; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С.336.
110. АКАК. Т. 1... – С. 754, 717; Берозов Б.П. Указ. соч. Ч. 3. – С.61 – 62.
111. Дзеранов Т.Е. Русская культура и духовно-религиозные процессы в Осетии в XVIII – начале XX в.: Дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала, 2001. – С. 44.

112. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 425; Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. – Махачкала, 1990. – С. 129.

113. Шильдер Н.К. Указ. соч. – С. 304, 320; Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Петроград, 1916. – С. 426.

114. РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 366; Туганов Р.У. Указ. соч. – С. 10 – 11; Мальбахов Б.К. Указ. соч. – С. 134.

115. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 560 – 561.

116. Мальбахов Б.К. Указ. соч. – С. 137.

117. АКАК. Т. 1... – С. 719 – 720; Абазины (историко-этнографический очерк). – Черкесск, 1989. – С. 21.

118. Кумьков Т.Х. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX в. – Нальчик, 1991. – С. 22; Виноградов А.В., Виноградов Б.В. Французская революция: эхо в кавказских горах (Павел I и Измаил-бей) // Проблемы всеобщей истории. – Вып. 1. – Армавир, 1995. – С. 33.

119. АКАК. Т. 1... – С. 722 – 723.

120. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 319 – 320; Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. – С.83.

121. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 3. Л. 3 – 3об, 4.

122. Там же. Л. 2.

123. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 310; АКАК. Т. 1... – С. 737.

124. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 274 – 274 об.; Оп. 2. Д. 19. Л.2,1; Покровский М.В. Указ. соч. – С. 153.

125. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. – Краснодар, 1996. – С. 208 – 210.

126. АКАК. Т. 1... – С. 722, 724, 725, 732 – 733; Чонов Е. Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. – Пятигорск, 1912. – С. 27, 28.

127. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. – С. 322; АКАК. Т. 1... – С. 754.

128. АКАК. Т. 1... – С. 727, 728, 729 – 730.

Глава II.

Специфика российско-северокавказского взаимодействия в 1801 – 1816 гг.

В этих условиях Россия, закономерно имевшая свои стратегические интересы на Кавказе и право на эти интересы, могла начать апробацию иных моделей взаимоотношений с горцами. Тем не менее первое время правления Александра I характеризовалось определенной преемственностью с павловской северокавказской политикой. Это выразилось, прежде всего, в Георгиевском договоре 26 декабря 1802 г., который формально воплощал «федеративный» проект Павла I [1].

Показательно, что съезд владетелей Восточного Кавказа в Георгиевске уже проходил при назначенном в сентябре 1802 г. инспектором на Кавказской Линии и главнокомандующим в Грузии ген.-лейт. князе П.Д. Цицианове, с именем которого скоро будут связываться силовые акции против горцев. Значит, причины специфики его политики не в правительственных ему предписаниях, а в конкретных внутри- и внешнеполитических обстоятельствах в регионе, затрагивавших стратегические интересы России и даже угрожавших им.

Проблемы, которые П.Д. Цицианову приходилось решать по преимуществу военным путем, обозначились еще до его назначения. Это касается и активизации набеговой экспансии из Дагестана на Картли-Кахетию (теперь российскую территорию), и попытки осетин парализовать своими нападениями Военно-Грузинскую дорогу (что совершалось при подстрекательстве Ирана) [2].

Таким образом, силовая схема отношений с рядом горских народов и владетелей – не концептуальное изобретение самого П.Д. Цицианова, а, скорее, его реакция на конкретную сложившуюся обстановку, которая во многом определялась вскоре начавшимися войнами с Ираном (1804 г.) и Турцией (1806 г.).

Следовательно, военные акции против Джаро-Белооканских лезгин в 1803 – 1804 гг. [3] и силовое деблокирование Военно-Грузинской дороги [4] надо оценивать не как «агрессию царизма», а как меры вынужденные, внешнеполитически обусловленные (не преуменьшая при том их жесткость, соответствующую тому времени).

П.Д. Цицианов взял на вооружение «восточный стиль» письменного общения с владельцами Восточного Кавказа, исходя из не лишенной истины мысли, что азиатские народы мягкость и уступчивость принимают за слабость и нерешительность. На ряд дагестанских владельцев была возложена дань, которая должна была непосредственно символизировать их подданство России [5].

Здесь нелишне заметить, что не все владельцы Дагестана подписали Георгиевский договор, и ситуацию дополнительно осложняли Ших-али хан дербентский и Сурхай-хан казикумухский, для которых антирусская направленность была продиктована борьбой за власть [6].

В конечном итоге П.Д. Цицианову удалось урегулировать отношения с лидером «фронды» осетин-тагаурцев Ахмедом Дударовым и стабилизировать обстановку в Тагаурии вокруг Военно-Грузинской дороги. Уже шедшая с 1804 г. война с Ираном не оставляла для России возможности использовать здесь тактику затяжных переговоров [7].

Известно, что П.Д. Цицианов разработал план устройства новых укреплений вдоль Военно-Грузинской дороги и новые меры по укреплению Кавказской Линии [8]. В 1803 г. он выдвинул план создания линии укреплений и редутов по Сунже до Брагунов и от Моздока до Владикавказа. К сожалению, недатированная карта, хранящаяся в РГВИА (Ф. 424) практически не оставляет сомнений в «цициановском» ее происхождении. Следуя карте, надлежало возвести редуты в районе будущей крепости Грозной, в районе будущей Назрановской крепости, а также на Камбилеевке [9].

В 1805 г. делались попытки рекогносцировки берегов Сунжи для назначения пунктов постройки укреплений [10].

С одной стороны, это говорит о недостаточности линии по Тереку для отражения набегов, но с другой – не свидетельствует о желании занять Сунженское побережье казачьими поселениями, как то пытаются утверждать некоторые исследователи [11].

Ясно, что П.Д. Цицианов стремился получить больший контроль над Чечней, к чему были традиционные основания в виде непрекращающихся набегов на Кавказскую Линию.

1803 – 1805 гг. ознаменовались «экспедициями» в Чечню, «барантованием», порождавшими новые набеги [12]. Обнаруживается неэффективность расчетов российских властей на использование «мирных чеченцев» в деле недопущения набегов на Кавказскую Линию.

В данных обстоятельствах, с учетом войны с Ираном, постройка редутов на Сунже была практически неосуществимой.

В то же время успех войны с Ираном во многом зависел от обстановки на Северном Кавказе. А последняя складывалась для России непросто и во внешнеполитическом смысле европейских коллизий, так как Наполеон добивался союза с Ираном и пытался свести на нет российско-турецкий «союзный и оборонительный» договор [13]. Возобновляется деятельность турецких эмиссаров в Кабарде [14].

Таким образом, П.Д. Цицианов должен был и воевать с Ираном, и приводить в подчинение северокавказских горцев, и наблюдать за происками в регионе Турции. Отсюда экстренность многих цициановских мер против горцев, а она не всегда включала возможность «переговорного процесса».

Не прибавляло стабильности в регионе и продолжавшееся в Кабарде шариатское движение. Ситуация в регионе осложнялась и наметившимся соперничеством российских военных и гражданских властей.

Первый же опыт совместных действий Коллежского советника Макарова с формально существующими в Кабарде родовыми судами и расправами оказался неудачным [15], то есть разные «уровни»

гражданского управления России в Кабарде не находили взаимопонимания. Также не всегда было взаимопонимание между Макаровым и военными властями [16]. Однако все эти перипетии разделения властей менее всего понятны горцам, для которых существовала одна приемлемая модель «управления» – собственный традиционный уклад.

Если учесть, что попытка гражданского управления в Кабарде провалилась, а элементы российского судопроизводства вызывали организованное сопротивление, можно утверждать о стремлении кабардинских феодалов выйти из любых форм зависимости от России и апробировать объединение двух моделей дальнейшего развития – исламскую трансформацию (шариатское движение) и традиционную схему доминирования Кабарды на Центральном Кавказе. Это не отвечало не только интересам России в регионе, но и ее элементарной безопасности.

В 1804 г. произошли столкновения между кабардинцами и посланными в Кабарду российскими войсками [17].

В целом сообщение Северного Кавказа с Грузией было поставлено под серьезную угрозу, что таило немалую опасность в условиях войны с Ираном.

В данных условиях П.Д. Цицианову следует высочайший рескрипт, где допускается мирное решение вопроса с Кабардой, вплоть до признания духовного суда [18].

В 1804 г. мятежная Кабарда могла получить «политического лидера», чьи взгляды были далеки от шариатских и принимали черты своеобразной альтернативы существовавшим российско-кабардинским и российско-северокавказским взаимоотношениям. Вернувшийся из екатеринославской ссылки (за довольно гипотетическое участие в восстании 1794 г.) подполковник российской службы Измаил Атажукин активно включился в политическую жизнь Кабарды.

Письменные проекты местного урегулирования, выдвинутые Измаилом Атажукиным, предполагали посредничество Кабарды между Россией и народами Северного Кавказа и возвращение

кабардинцам «отрезанных» у них земель [19]. То есть российским властям предлагался сценарий фактического доминирования Кабарды в регионе и потери части укреплений Кавказской Линии.

Разумеется, П.Д. Цицианов возражает против проектов Измаила Атажукина [20] (брат которого, Адиль-Гирей, возглавлял шариатское движение).

Измаил Атажукин, олицетворявший, видимо, наиболее пророссийски настроенный слой населения Кабарды, оказался в сложном и драматическом положении: не принимая позиции шариатистов, он был не в состоянии добиться покорности кабардинского народа, чего от него не ожидали российские власти. Показательно, что он считал кабардинцев «личными соседями», а не подданными России. Таким образом, «российскость» Измаила Атажукина вступала в противоречие с его же чисто кабардинским патриотизмом.

В конкретных внешне- и внутривластных условиях 1804 – 1805 гг. бороться за сохранение родовых судов и расправ в Кабарде становится все труднее. Поэтому местные российские власти, опираясь на александровский рескрипт, соглашались на введение в Кабарде шариатского суда. К принятию этого решения был причастен и П.Д. Цицианов [21].

Вместе с тем перспективы взаимодействия российской стороны и шариатского суда были весьма сложными, что покажут последующие события. Однако согласие П.Д. Цицианова на духовный суд в Кабарде (хотя окончательно оно принято уже после его гибели) свидетельствовало о его способности идти на уступки горцам. Но уступка эта делалась не для того, чтобы в 1807 г. «привязать к России ее новых мусульманских подданных на Северо-Западном Кавказе», как то полагают некоторые исследователи [22]. Ведь никаких «новых мусульманских подданных» на Северо-Западном Кавказе Россия в это время не получила.

Обстановка на Северо-Западном Кавказе в период командования на Кавказе П.Д. Цицианова была хоть и сложной (вследствие набегов), но имела и мирную составляющую в виде контактов Черноморского

казачьего войска с приверженными к России закубанскими владельцами, продолжались и случаи переходов на российский берег Кубани [23].

Небезынтересно, что в некоторых случаях руководство Черноморского казачьего войска правильнее оценивало перспективы отношений с «закубанцами», чем российские военные власти на Линии, старалось использовать все возможности потенциала «дружбы противу закубанцев во исполнение состоявших в том высочайших повелений» [24].

В довольно краткое «цициановское время» (ген.-лейт. П.Д. Цицианов был предательски убит 8 февраля 1806 г.) ситуация на Северном Кавказе определялась не только конфронтацией (которая во многом была обусловлена внешнеполитическими обстоятельствами). Свидетельство тому – динамика взглядов самого П.Д. Цицианова на пути и методы урегулирования местной обстановки. Им был разработан план, предусматривавший явную постепенность и долговременность в корректировке кабардинского традиционного уклада, предполагались меры по привлечению на российскую сторону кабардинского духовенства, по созданию «кадров» пророссийского мусульманского духовенства в регионе [25].

Следовательно, нельзя согласиться с утверждением, что «Цицианов занял максимально жесткую, бескомпромиссную позицию, не оставившую ни ему самому, ни его наследникам свободы маневра [26].

Гибель П.Д. Цицианова, нарастание внешнеполитических проблем страны переменили образ действий России на Северном Кавказе. Цициановские проекты были не апробированы, а о нем самом, как правило, распространилось суждение, основанное на восприятии силовой составляющей его деятельности.

В 1806 г. Россия стояла перед перспективой одновременной войны и против Ирана, и против Турции, не говоря уже о соответствующих проблемах противостояния в Европе. В данных обстоятельствах новым главнокомандующим на Кавказе назначается уже

возглавлявший русские силы в регионе в конце царствования Екатерины II и в начале царствования Павла I опытный и осторожный граф И.В. Гудович. Годы, проведенные И.В. Гудовичем вне Кавказа, не могли способствовать адекватному восприятию им изменившихся местных реалий. К тому же он довольно негативно воспринимал деятельность своего предшественника П.Д. Цицианова и стремился исправить в ней все, на его взгляд, ошибочное и неполное [27].

Однако, ген. И.В. Гудович практически сразу решительно отверг претензии Ирана на Грузию и Дагестан [28], что определялось предшествующим развитием российско-кавказских взаимоотношений.

В контактах с горскими владетелями И.В. Гудович частично отходит от цицианской практики взимания с них дани и не прибегает к политическому запугиванию явных и скрытых сторонников Ирана. Возобновляется предоставление владетелям – подданным России и проявившим пророссийскую ориентацию – чинов и жалований.

Обращает на себя внимание и такой фактор: от П.Д. Цицианова требовались меры экстренного характера, а И.В. Гудович был главнокомандующим в иной ситуации: война с Ираном затягивалась и просматривалась неизбежность нового столкновения с Турцией. Это требовало от И.В. Гудовича осторожных действий на Северном Кавказе; вместе с тем наиболее опасные проявления антироссийской деятельности были пресечены при П.Д. Цицианове, и поэтому И.В. Гудовичу не было смысла возвращаться к силовым цициановским методам.

Что же касается грабительских набегов на Кавказскую Линию, то, не имея удовлетворительного арсенала для борьбы с ними, российским властям приходилось просто «держат фронт» и удерживать местных владетелей от конкретной поддержки Ирана или Турции.

В Дагестане это И.В. Гудовичу в целом удавалось, даже с привлечением на российскую сторону части лезгинских «вольных» обществ [29].

Конкретные обстоятельства российско-дагестанских взаимоотношений тех лет показывают, что Цицианов, взимая с дагестанских феодалов дань, не отказывался от практики предоставления жалований и Гудович, широко практикуя разнообразные пожалования, фактически не отказался от дани с некоторых владетелей [30]. Видимо, соотношение одного и другого зависело от ситуации на определенном отрезке времени.

Следовательно, между политикой И.В. Гудовича и П.Д. Цицианова были и черты преемственности, обусловленные схожими стратегическими задачами России на Северном Кавказе на протяжении довольно долгого времени. Вместе с тем надо заметить, что новая система отношений российских властей с дагестанскими владетелями не была возвратом к методам XVIII в.

Несмотря на сложности в контексте войн и с Ираном, и с Турцией одновременно, русской администрации в целом удавалось контролировать обстановку в Дагестане и даже укреплять здесь свое влияние. Однако надежды И.В. Гудовича на отвращение дагестанцев от набегов были идеалистическими, исходящими из недопонимания особенностей местного традиционного уклада [31].

И.В. Гудович стремился урегулировать ситуацию вокруг Чечни. Но его проекты [32] имели много «узких мест», опять-таки не учитывавших нюансов традиционного уклада горцев, а многократные переговоры с чеченскими старшинами не давали эффекта: набеги на Линию продолжались [33]. В конечном итоге Гудович, видя бесплодность дипломатических увещаний, дал согласие на масштабную военную экспедицию в Чечню под руководством ген. С.А. Булгакова (1807 г.) [34]. Обстоятельства проведения данной экспедиции выяснили, что перед лицом внешней угрозы (пусть даже вызванной их собственным поведением) чеченцы проявляют «этническую солидарность», которая оказывается выше присяг, обязательств и т.п. по отношению к России. Ведь «мирных» чеченцев в Чечне в тот момент не оказалось [35].

В итоге военной экспедиции ряд равнинных чеченских обществ вновь присягает России, а И.В. Гудович возобновляет попытки заинтересовать чеченцев выгодами мирной жизни, вновь обещая им различные льготы [36].

Региональную обстановку нельзя анализировать без учета «Предначертаний» Министерства иностранных дел о политике России на Кавказе, представленных Александру I в апреле 1806 г. В них отмечались взаимосвязь безопасности в Закавказье с ситуацией на Северном Кавказе, а также «наружный» характер подданства горских народов [37], что в принципе соответствовало реалиям конца XVIII – начала XIX в. и продолжало традиции российской северокавказской политики.

Показательно, что авантюрные в своем радикализме проекты обустройства Северного Кавказа российской высшей властью оставались без рассмотрения [38].

Экспедиция ген. С.А. Булгакова в Чечню в 1807 г. вписывалась в общую тональность «Предначертаний», так как была вызвана необходимостью прекращения набегов, обороны российских коммуникаций.

В 1807 г. делается попытка установления элементов российской административной власти в Чечне. И.В. Гудович предписал главному «калмыцкому приставу полковнику Ахвердову принять в «управление» присягнувшие России чеченские селения. Основной опорой российских властей в чеченских обществах должны были стать «частные приставы» – собственно старшины, на которых возлагалась, прежде всего, функция недопущения набегов своих единоплеменников на Кавказскую Линию» [39]. Но «частные приставы», которыми становились наиболее влиятельные и лояльные к России старшины, хоть и получали нередко чины и жалования, не смогли контролировать обстановку, предотвратить набеги прежде всего в силу стадийного уровня чеченского общества. К началу 1809 г. выявилась неэффективность введения института приставства в равнинной Чечне. Таким образом, интеграционный, по сути, проект

И.В. Гудовича оказался неудачным, и не по вине российского командования [40].

Причины тщетности интеграционных усилий России в отношении Чечни (да и других районов Северного Кавказа) можно видеть в том, что чеченцы, как и в конце XVIII в., понимали принятие российского подданства как возможность мирного сосуществования и свободной, беспошлинной торговли в российских пределах [41]. Данная концепция «прав без обязанностей» органично вписывалась в догосударственный, с укрепившимися чертами патриархально-родовых отношений уровень развития чеченского общества. И даже «мирное сосуществование» понималось горцами по своему: взаимные набеги не воспринимались в их среде как нарушение мира.

В марте 1809 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен ген. А.П. Тормасов, не служивший ранее на Кавказе. Он должен был проводить прежний политический курс. Однако в 1809 – 1810 гг. нападения на Линию усиливаются, с тенденцией совместных действий чеченцев, кабардинцев и, отчасти, ингушей [42]. Последние, переселяясь на плоскость с разрешения российских властей, не могли получить от них полномасштабной защиты от притязаний кабардинских феодалов и были не в состоянии отказаться от собственных привычек, в которые входили и набеги. К тому же начинается исламизация ингушей [43].

Выполнение ингушами обязательств по оповещению о готовящихся набегах кабардинцев и чеченцев автоматически навлекало бы на них месть последних. Отсюда – приспособляемость ингушей к обстоятельствам.

События 1810 г. не дают основания говорить о вооруженном противостоянии России с ингушами и об их союзе с кабардинцами и чеченцами.

Для защиты своих интересов от чеченцев и кабардинцев ингуши попросили у российских властей военную помощь. В 1810 г. ингуши приняли, по сути, повторную присягу России, статьи которой давали им право переселения на равнину. Логическим продолжением данных

событий стало строительство Назрановского российского укрепления и укрепления Казах-Кичу при переправе через Сунжу, которые стали серьезной преградой для набегов на окрестности Владикавказа с востока [44].

С присягой 1810 г. и со строительством российских укреплений было связано дальнейшее расселение ингушей на плоскости [45]. Это соответствовало стратегическим интересам ингушей. Участие же в кабардинских и чеченских набеговых «предприятиях» не открывало в данном смысле никаких положительных перспектив.

Ситуация с чеченскими набегами на Линию была такова, что ген. С.А. Булгаков предлагал перенести военную линию на Сунжу, одновременно передвигая туда и казачьи станицы [46]. Но внешнеполитические обстоятельства не оставляли для этого ни сил, ни средств. Представляется, что и высшие российские власти были тогда не готовы положительно воспринять данный проект.

На рубеже 1810 – 1811 гг. в Петербурге разрабатывался новый сценарий управления Кавказом, по которому Закавказье оставалось в ведении главнокомандующего в Грузии, а Северный Кавказ отходил под управление кавказского и астраханского губернатора, сосредотачивавшего и военно-административную власть над Кавказской Линией [47]. Взаимосвязь ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе затрудняла такое разделение, и ближайшие события показали подчиненность командовавших на Кавказской Линии генералов главнокомандующим в Грузии, которые в документах чаще именовались главнокомандующими на Кавказе.

Ген. А.П. Торماسов пытался стабилизировать обстановку в Чечне политико-экономическими мерами, торговлей и переселенческими выгодами [48]. Набеги, тем не менее, продолжались. Таким образом, мирные инициативы и Гудовича, и Тормасова наталкивались на незыблемость чеченского традиционного уклада и отторгались им, несмотря на наличие в чеченском обществе пророссийски настроенных старшин, готовых служить России, но не способных контролировать ситуацию среди своих единоплеменников.

В 1806 – 1811 гг. большое значение для России имела обстановка в районе Военно-Грузинской дороги. И.В. Гудович выступал за союз с осетинскими социальными верхами и ввел для них (даже в ущерб российским интересам) новые льготы в пошлинах, взимаемых ими за проход по Военно-Грузинской дороге [49]. Он пообещал также повлиять на кабардинских князей, совершавших набеги на Осетию [50].

Видимо, осетины-тагаурцы понимали значение Военно-Грузинской дороги и, пользуясь трудностями, которые испытывала Россия в разрешении Восточного вопроса, добивались все новых экономических и политических преимуществ [51].

Хотя часть осетинских фамилий на плоскости приняла христианство и окончательно связала свою судьбу с Россией, в самой Тагаурии набеги на Военно-Грузинскую дорогу усиливаются, не без поддержки Ирана. Российские власти вели с тагаурскими феодалами сложный и малоперспективный переговорный процесс (и при И.В. Гудовиче, и при А.П. Тормасове) [52].

Продолжалась деятельность в Осетии иранских агентов [53].

Обстановка в Восточной Осетии в силу пролегания по ней Военно-Грузинской дороги складывалась для российских властей традиционно более тревожно, чем в центральных и западных районах Осетии, население которых было заинтересовано в российском подданстве и для прекращения взаимных распрей, и для решения наболевшего земельного вопроса (который во многом упирался в позицию кабардинских феодалов). В 1806 – 1809 гг. повторно присягают на подданство России дигорцы, алагирцы и жители Нарского ущелья [54].

В 1806 – 1811 гг. очень многое в ситуации на Северном Кавказе зависело от обстоятельств в Кабарде. Введение в ней шариатского суда не могло стабилизировать кабардино-российские взаимоотношения, хотя российские власти и пытались привлечь на свою сторону местное духовенство [55].

Уже в период действия шариатского суда кабардинские набеги на Линию сохраняются, причем нередко в совместничестве с чеченцами и западными адыгами, и приобретают порой тот жестокий характер [56], который вполне согласовывался с установкой на религиозную нетерпимость.

Таким образом, можно утверждать, что введение духовного суда не являлось целью, по достижении которой кабардинскими феодалами предполагалась стабилизация отношений с российскими властями. Это была, скорее, ступень для дальнейшей борьбы против России.

Так как по «Народному условию» – итоговому документу, закрепившему победу феодально-клерикальных сил в Кабарде, – устанавливались элементы равенства лишь среди феодалов, не внесшие никаких послаблений в жизнь крестьян, начались восстания последних против своих владельцев [57]. «Черный народ» был готов (как и ранее) оставить Кабарду и поселиться на Линии. Подобные просьбы крестьян имели место в 1807 – 1810 гг. [58]. Однако российские власти относились к ним осторожно, предвидя реакцию кабардинских феодалов.

Значительную роль в политической жизни Кабарды играл в 1806 – 1811 гг. Измаил Атажукин. Однако его трактовки перспектив кабардино-российских взаимоотношений (при отрицании им шариатских установок) не могли устроить российское командование. К тому же Измаил Атажукин стремился к собственному доминированию среди кабардинской феодальной аристократии, и это тоже не могло вызвать трений с российскими властями [59].

В 1807 – 1808 гг. русская администрация ввела жесткие, но неизбежные карантинные меры в связи с распространением в Кабарде чумы [60]. Эта вынужденная мера стала новой болевой точкой российско-кабардинских взаимоотношений.

Ситуация осложнялась действиями в Кабарде иранской и турецкой агентуры [61]. К 1810 г. с подачи турок оформился план ухода кабардинцев в «крепкие места» с последующим масштабным

нападением на Кавказскую Линию «из глубины», что бы предельно затрудняло ответные действия российских властей [62].

Именно с этим, а не с некой попыткой русских властей переселить на Линию кабардинских крестьян [63] надо связывать причины апрельского 1810 г. похода ген. С.А. Булгакова в Кабарду, степень жесткости которого нет смысла преуменьшать [64] (как, впрочем, и степень жесткости кабардинских набегов).

Объективно мотивированные действия Булгакова в Кабарде вызвали недовольство Александра I [65]. Это свидетельствовало о неприятии на высшем уровне чисто силовой схемы усмирения Кабарды, что в принципе соответствовало столичным взглядам на кавказскую политику на протяжении долгого времени. Однако оценки действий ген. С.А. Булгакова давали люди, имевшие поверхностные представления о региональной специфике.

Хотя ген. С.А. Булгакову удалось силой добиться внешних проявлений лояльности кабардинской знати, вскоре после клятвы на Коране «быть мирными и добрыми соседями» России кабардинские нападения на Кавказскую Линию возобновились [66].

Главнокомандующий на Кавказе А.П. Торماسов своеобразно воспринял критику Петербургом булгаковского похода в Кабарду и в «Отношении» к военному министру (октябрь 1810 г.) дал не вполне адекватные реалиям оценки российской политики на Северном Кавказе [67]. Это может свидетельствовать и о недостаточной компетентности самого Тормасова, ранее не служившего на Кавказе, и о его попытке подстроиться под мнение высших властей, не принимавших (и это показательно!) силовую модель взаимоотношений с горскими народами.

В июле 1810 г. начинается подготовительная работа по отправлению в Петербург кабардинской делегации (о желании кабардинцев направить такую делегацию сообщалось высшим российским властям). В ходе формирования состава делегации вновь возник конфликт между ген. С.А. Булгаковым и Измаилом Атажукиным, который теперь стремился к явному политическому лидерству в

Кабарде. Впавший в очевидную «фронду» Измаил Атажукин был арестован [68].

Не проще, чем в Кабарде, складывалась обстановка на «Кубанской Линии» (среднее и отчасти нижнее течение Кубани). В условиях начавшейся войны с Россией (30 декабря 1806 г.) турецким агентам удалось «возмутить» западных адыгов против русских, а далее сработала мощная инерция, заложенная традиционным укладом. С весны 1807 г. набеги стали постоянными и масштабными [69]. Меры командующего на Кавказской Линии ген. Булгакова по их недопущению оказались недостаточными [70]. Проблема осложнялась эпидемией чумы в Закубанье, не позволявшей преследовать «воровские партии» на их территории и делать «репрессалии».

Чума объявляется и среди ногайцев и абазин Кавказской губернии, и карантинные мероприятия вызывают у них протест [71].

Таким образом, жесткие «античумные» карантинные меры применялись российскими властями по отношению не только к кабардинцам, но и к населению «внутри» Кавказской Линии. Это опровергает суждения о злонамеренном образе действий России в Кабарде в период эпидемии чумы.

В 1807 г. у абазин-тапантовцев учреждается религиозный суд, уживавшийся с введенным еще в 1802 г. среди абазин Кавказской губернии институтом приставства [72]. Интересно, что в 1809 г. кабардинский князь Атажуко Атажукин пытался силой взыскать подать с кумских абазин (живших на территории Кавказской губернии). Российскими властями ему было объявлено, что кабардинские князья «не имеют никакой власти над абазинцами» [73].

В ответ на усиление набеговой экспансии в 1809 г. ген. С.А. Булгаков с войсками совершает поход за Кубань (январь – март 1810 г.), в котором участвовали ногайцы Кавказской губернии [74]. Однако решающего успеха этот поход принести не мог [75].

Высшие российские власти посчитали, что прекратить набеги горцев можно привлечением их к меновой торговле [76].

Уже в 1811 г. на Кавказской Линии создается 5 меновых дворов и открывается соляной магазин во Владикавказе [77]. Немалую роль в развитии торговли на Северном Кавказе играл каспийский торговый флот России [78].

Кроме развития «мена» предусматривалось отнять у горцев всякое сообщение с Турцией, привлекать их выгодами мирных занятий к российской светской жизни в городах. Предполагалось также назначение приверженных России мулл и кадиев [79].

Реальная обстановка на Северном Кавказе в начале XIX в. не способствовала осуществлению данных проектов Комитета Министров и А.П. Тормасова. А горцы, видимо, были не против совмещать «меньбу» с привычными набегами.

Кроме того, обозначилась разница во взглядах на местную ситуацию ген. С.А. Булгакова и главнокомандующего на Кавказе А.П. Тормасова. Пока последний думал о «скорейшем умиротворении горцев», первый пытался решать конкретные проблемы обороны от них Кавказской Линии и населения Кавказской губернии. И в этом споре одной правды не было.

Довольно напряженно складывалась ситуация в 1806 – 1810 гг. и на Черноморской кордонной Линии. Прорывы горцев из Закубанья имели место и здесь [80].

Тем не менее атаман Бурсак отказался от участия черноморцев в закубанском походе ген. С.А. Булгакова, пытаясь дипломатическим путем урегулировать отношения с беспокойными соседями. Херсонский военный губернатор Дюк де Ришелье, которому Бурсак непосредственно подчинялся, с долей скепсиса отнесся к действиям казачьего атамана, однако оставил за ним право на «переговорный процесс», который возымел некоторый успех [81].

На усмотрение Бурсака Ришелье оставил и решение ногайского вопроса. В результате в августе 1810 г. оставшиеся в Черномории ногайцы были приняты (согласно собственному их желанию) в казачье сословие, и им было предписано выбрать атамана из своих старшин [82].

Осенью 1810 г. из Петербурга с целью ревизии Кавказской губернии прибыл ген.-майор Вердеревский. Своими действиями он способствует снятию С.А. Булгакова с должности командующего Кавказской Линией [83]. В начале 1811 г. тот сдал полномочия ген.-лейт. Мусину-Пушкину до скорого приезда нового начальника ген.-лейт. Н.Ф. Ртищева [84].

Данный эпизод – свидетельство наличия немалых нюансов в оценке перспектив и методов местного урегулирования со стороны российских властей разного уровня.

Деятельность российских властей на Северном Кавказе в 1811 – 1816 гг. во многом связана с именем Николая Федоровича Ртищева, сначала назначенного в январе 1811 г. командующим на Кавказской Линии, а затем, в начале 1812 г., – главнокомандующим на Кавказе [85].

«Эпоха Ртищева» на Северном Кавказе получила довольно разноречивые оценки в отзывах современников и в историографии [86].

Время деятельности Н.Ф. Ртищева в регионе хронологически совпало с наиболее тяжелым для России периодом в европейской политике. К началу Отечественной войны 1812 г. России удалось завершить только войну с Турцией (Бухарестский мир 1812 г.), а война с Ираном продолжалась.

Уже в 1811 г. с Кавказской Линии отправляется вглубь России ряд армейских полков, впоследствии эта тенденция продолжается [87]. Следовательно, Кавказская Линия была значительно ослаблена, и основная тяжесть ее обороны ложилась на казачество, часть которого также участвовала в войне в Францией.

Несмотря на внешнеполитические обстоятельства, ртищевские методы действий по отношению к горцам можно назвать «авторскими». Отметим и то, что Ртищев до своих назначений 1811 – 1812 гг. на Кавказе не служил, отсюда достаточно поверхностно знал особенности обстановки в регионе.

Н.Ф. Ртищев взял курс на удержание в «кротости» горцев подарками и денежными премиями [88], возможность же применения иных мер (в том числе военных) была в 1811 – 1816 гг. минимизирована.

Распространяемая при Н.Ф. Ртищеве меновая торговля с горцами [89] сама по себе не могла достигнуть стабильности на Кавказской Линии. В то же время, согласно его предписаниям, набеги горцев оставались практически безнаказанными [90]. Очень скоро наметились серьезные противоречия в оценке северокавказской обстановки между Н.Ф. Ртищевым и командующим на Линии ген.-майором С.А. Портнягиным (что напоминало предыдущие разногласия между С.А. Булгаковым и А.П. Тормасовым). Вообще у Н.Ф. Ртищева явно не доставало взаимопонимания с долгое время служившими на Кавказе генералами и офицерами, которые осознавали возможные последствия неприменения войск в тех случаях, когда это было необходимо. Вместе с тем он не имел развернутых инструкций из столицы, в отличие от большинства своих предшественников.

Несмотря на все это, российским властям удавалось в условиях войны с Ираном держать под контролем ситуацию в Дагестане и даже расширять там свое влияние (при наличии, конечно, и проиранской «партии») [91]. В целом можно констатировать, что к моменту международного признания принадлежности Дагестана к России Гюлистанским договором с Ираном (24 октября 1813 г.) эта принадлежность существовала уже «де-факто».

В 1811 – 1816 гг. по-прежнему сложной была обстановка в Чечне. После неудачного нападения на Назрановское укрепление направление чеченских набегов перемещается на Терскую линию [92]. В то же время были случаи предупреждений о готовящихся нападениях со стороны «мирных чеченцев» [93].

Н.Ф. Ртищев пытался урегулировать ситуацию путем переговоров и в марте 1812 г. созвал в Моздоке съезд чеченских старшин, взяв линию на подкуп их подарками и деньгами, а также на

перспективу развития взаимной торговли. Одновременно он запретил местным начальникам кордонов и казакам делать чеченцам «репрессалии» за набеги [94], что объективно способствовало их набеговой экспансии.

Вместе с тем российское правительство в марте 1811 г. упраздняет институт приставства в Чечне из-за его неэффективности в предотвращении набегов. При этом функции кордонного военного начальства по «управлению» чеченцами сводились только к недопущению набегов [95], весьма затруднительному в контексте предписаний Н.Ф. Ртищева.

В условиях внешнеполитических проблем для России в 1812 г. возросла активность турецкой (до Бухарестского мира) и иранской агентуры в регионе [96]. Однако масштабно поддерживать Турцию и Иран северокавказские горцы были объективно не заинтересованы, в чем прослеживается долговременный успех российской политики. А конкретно чеченцев, видимо, вполне устраивала ртищевская модель «взаимоотношений», по которой меновая торговля совмещалась с безнаказанными набегами.

Тем не менее часть чеченцев (как и других народов региона) выразила в конце 1812 – начале 1813 г. готовность сражаться с французами [97]. Это свидетельствует и о укоренившейся российской ориентации немалого числа чеченцев, и о предпочтительности для них «внешнего» военного служения изменению собственного традиционного уклада.

Противоречия С.А. Портнягина и Н.Ф. Ртищева по проблеме пресечения набегов послужат поводом для снятия первого с должности командующего на Кавказской Линии в 1813 г. Но у назначенного на данный пост ген.-м. И.П. Дельпоццо тоже вскоре возникнут разногласия с Н.Ф. Ртищевым по тем же вопросам [98].

Несмотря на изменившееся внешнеполитическое положение России в 1815 – 1816 гг., Н.Ф. Ртищев настаивал на исполнении своих предписаний 1811 – 1812 гг. [99], которые во многом уже потеряли практический смысл.

И хотя в первые полтора десятилетия XIX в. в Чечне не было широкомасштабных антироссийских выступлений, чеченская набеговая экспансия на Кавказскую Линию, несоблюдение принимаемых присяг делали урегулирование в Чечне проблематичным; неэффективной оказывалась и ртищевская его модель.

После постройки Назрановского укрепления стабильный характер приобретают российско-ингушские взаимоотношения. Продолжается расселение ингушей вокруг Назрани, на плоскостных землях [100].

В конце 1811 – 1812 гг. (не без происков Ирана) осложняется обстановка в Осетии, особенно в районе Военно-Грузинской дороги. Только к середине октября 1812 г. не без применения военных мер ситуация была стабилизирована [101].

Н.Ф. Ртищев в Осетии, как и в других районах Северного Кавказа, делал ставку на подкуп и заигрывание с социальными верхами. Однако привилегии, данные Дударовым, вызывали раздражение и «фрондирование» других тагаурских феодалов, которые, кроме прочего, постоянно пытались добиться льгот во взимании пошлин на Военно-Грузинской дороге. Н.Ф. Ртищев и здесь идет на уступки, но тагаурцы вновь желали еще большего [102].

В 1811 – 1816 гг. российско-осетинские взаимоотношения снова сталкивались с кабардинским фактором. Кабардинские феодалы всячески мешали благоприятному развитию этих отношений, препятствовали расселению осетин на плоскости, отстаивая собственное политическое и конфессиональное доминирование над Осетией [103].

В связи с этим дигорцы, алагирцы и куртатинцы в 1811 – 1815 гг. принимали повторные присяги на подданство России [104].

В 1813 г. для препятствия невыгодной для российских властей исламизации осетин восстанавливается деятельность Осетинской духовной комиссии [105].

Хотя Н.Ф. Ртищев считал и кабардинцев, и осетин российскими подданными, он был посредником в их переговорах, которые состоялись в начале 1816 г. и завершились в целом успешно [106].

Перспективы масштабного переселения осетин на плоскость после этого улучшились, и российские власти планировали построить укрепления на р. Ардон для обеспечения данного процесса на случай не исключавшихся набегов со стороны Кабарды [107].

Своеобразно складывались в 1811 – 1816 гг. обстоятельства российско-кабардинских взаимоотношений.

К концу февраля 1811 г. в Кабарде завершились выборы депутатов для поднесения в Петербург «Всепопданнейшего прошения». В нем кабардинцы жаловались на игнорирование местными российскими властями их «исторически сложившегося уклада жизни», связывали образование среди них антироссийской партии с «отбиранием земель, необходимых для пастбища» под строительство Азово-Моздокской Линии [108].

В конце 1811 г. кабардинская депутация прибыла в Петербург, рассчитывая, видимо, кроме прочего, на восстановление «границы» Кабарды образца 1771 г., апеллируя к екатерининской грамоте кабардинским феодалам (1771 г.).

Александр I, приняв кабардинскую депутацию 20 января 1812 г., подписал «Грамоту кабардинскому народу». Анализ основных ее положений позволяет утверждать, что император давал определенный «режим благоприятствования» кабардинцам, но в рамках существовавших к 1812 г. реалий на Северном Кавказе. Перспектива «удовлетворения» кабардинцев землями севернее р. Малки была обставлена условиями, неадекватными кабардинскому подходу к проблеме [109].

Кабардинские феодалы остались недовольны итогами депутации в Петербург, и напряженность на Центральном Кавказе сохранилась. Возобновляются набеги кабардинцев на Линию как составная часть того «жизненного уклада», в незнании которого они упрекали

российские власти. Как и ранее, на антироссийских позициях стояло кабардинское духовенство, поддерживаемое османскими властями.

Вместе с тем в канун начала Отечественной войны 1812 г. в Кабарде началось формирование конного ополчения для направления в действующую российскую армию. Но так как выяснилось, что сбор ополчения никем не санкционирован (авантюра Медокса-Соковнина), оно было распущено, что, по мнению историков, было ошибочным решением [110].

Данный пример позволяет утверждать, что «фрондирующие» кабардинские феодалы, даже несмотря на антироссийский «подтекст» шариатских порядков, откликнулись на ментально привычный им вариант «вассального служения» России во внешних войнах.

В 1813 – 1816 гг. российским властям удалось стабилизировать обстановку в Кабарде. Н.Ф. Ртищев разрешил кабардинцам свободный доступ с торговыми делами в города Кавказской губернии и выпас скот в ее пустующих землях [111]. В 1815 г. кабардинцам (как и прочим «мирным» горцам) было разрешено свободно и бесплатно брать соль в соляных озерах Кавказской губернии [112].

Однако полного спокойствия в Кабарде все же не наблюдалось.

Ртищевская система отношений с горскими народами была наиболее эффективна на Северо-Западном Кавказе. Немалый положительный импульс для контактов с закубанцами был дан организацией меновой торговли. Этот фактор позволил ногайскому приставу Султану Менгли-Гирею в 1811 г. привести к присяге ряд западноадыгских племен [113]. Это было важно и для того, чтобы в условиях осmano-российской войны 1806 – 1812 гг. не допустить консолидированных антироссийских действий закубанцев или прохода через их территорию турецких войск.

В конкретных условиях 1811 г. принятие подданнических присяг от части населения кубанского левобережья было верным тактическим ходом России (хотя и временным, так как по Бухарестскому миру 1812 г. Закубанье продолжало считаться турецким).

Несмотря на сохранившийся фактор набегов, уже после Бухарестского трактата с Турцией (20 мая 1812 г.) российское командование на Кавказской Линии прилагало немалые усилия для продолжения и развития экономических отношений с закубанцами [114]. А так как ряд закубанских князей и уорков были готовы участвовать в ополчении против Франции (авантюра Медокса) [115], можно говорить о дружеских контактах России и закубанцев и об ограниченности влияния на последних турок.

Вместе с тем ртищевская установка на пассивность в пресечении набегов из-за Кубани невольно способствовала усилению влияния османских агентов на часть западных адыгов. Апогеем этого стал увод в Закубанье турецким эмиссаром Сеид-Ахмед-эффенди при поддержке крупной партии западных адыгов группы прикубанских ногайцев в сентябре 1813 г., что заметно обострило обстановку на Кубанской Линии [116].

Так как закубанцы замыслили повторить вторжение, тогдашний командующий на Кавказской Линии С.А. Портнягин 24 октября 1813 г. нанес предупредительный удар [117], имевший ряд негативных последствий в отношениях с западными адыгами и приведший к кульминации противоречий С.А. Портнягина с Н.Ф. Ртищевым. Как уже отмечалось, С.А. Портнягин нарушал ртищевские предписания и на Северо-Восточном Кавказе. Все это и привело к снятию его с должности.

События 1813 г. на Кубанской Линии показывают, кроме прочего, что Османская империя, проиграв накануне очередную войну с Россией, не отказывалась от дальнейшей борьбы за Кавказ.

Достаточно своеобразны были события 1811 – 1816 гг. в Черномории. Линия на умиротворение горцев меновой торговлей присутствовала и здесь. Дополнительно к меновым дворам в Черномории в 1811 г. создаются торговые пункты в Керчи и на Бугазе [118].

Особо заметный след в торговле России с закубанцами оставила деятельность де Скасси [119].

И все же набеги из-за Кубани (нередко провоцируемые турками) имели место и здесь [120], что (в совокупности с целями меновой торговли) свидетельствовало о наличии противоборства Турции и России в борьбе за влияние на народы Северо-Западного Кавказа.

Итак, российско-северокавказское взаимодействие в 1801 – 1816 гг. в целом проходило под знаком преобладания со стороны России невоенных способов урегулирования местной обстановки. Репрессивные меры ген. П.Д. Цицианова в 1803 – 1805 гг. против горцев были обусловлены экстренностью внешнеполитических обстоятельств и не выражали генеральную линию Петербурга в отношении местных народов. Однако возвращение в 1806 – 1816 гг. к тактике мирного увещевания горцев не принесло решающего успеха в контексте внешнеполитической обстановки и особенностей традиционного уклада региональных этнических сообществ. Таким образом, вновь российские интегративные проекты сталкивались с реалиями вызревающего Северокавказского кризиса XIX века.

Примечания

1. АКАК. Т. 1... – С. 753 – 755; АКАК. Т. 2... – С. 1009 – 1011.
2. Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801 – 1802 гг.) // Исторические этюды № 2. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1997. – С. 54, 60.
3. Потто В.А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Т. 1. – Ставрополь, 1994. – С. 308 – 310, 319, 320; Броневский С.М. Исторические Выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Иоанна Васильевича донине. – СПб, 1996. – С. 150.
4. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6164. Ч. 37. Л. 183; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... – С. 307.
5. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6164. Ч. 33. Л. 124 об., 174, 175; АКАК. Т. 2... – С. 1017 – 1020; Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. – С. 320 – 321.
6. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – С. 170.

7. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6164. Ч. 40. Л. 59; АКАК. Т. 2... – С.555; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... – С. 307.
8. ИНСК. Т. 2. – С. 22.
9. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях. Д. 47. Л. 1 – 2.
10. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 143.
11. Там же.
12. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 26. Л. 25 об, 27 об, 61 об.
13. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... – С. 69 – 70.
14. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 59. Л. 9, 10; АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. 3. – С. 651.
15. Кудашев В.Н. Указ соч. – С. 84.
16. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. 9. – С. 182; Кудашев В.Н. Указ соч. – С. 85 – 86.
17. Туганов Р.У. Указ соч. – С. 16 – 17; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 142 – 151.
18. Туганов Р.У. Указ соч. – С. 17.
19. Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. – Нальчик, 2001. – С. 200; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 155 – 156.
20. АКАК. Т. 2... – С. 957.
21. АКАК. Т. 2... – С. 962; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 163.
22. Северный Кавказ в составе Российской империи... – С.104 – 105.
23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1 Д. 482. Л. 4, 6; Д. 446. Л. 1, 59, 128, 205, 259; Д. 462. Л. 9; Д. 477. Л. 1.
24. ГАКК. Ф. 249 Оп. 1 Д. 482. Л. 17, 20, 21, 22.

25. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 951. Л. 185; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб., 2000. – С. 80 – 81.
26. Гордин Я.А. Указ соч. – С. 79.
27. Потто В.А. Кавказская война... – С. 384.
28. ИНСК. Т. 2. – С. 25.
29. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 51. Л. 121 – 123; Магомедов Н.А. Дербент и дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политического положения и экономического развития: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 1999. – С. 26; Русско-дагестанские отношения... – С. 272.
30. Русско-дагестанские отношения... – С. 276.
31. Гордин Я.А. Указ соч. – С. 87.
32. АВПРИ. Ф. 161. СПГА. 1 – 13, 1806. Оп. 10. Д. 2. Л. 127 – 128 об.
33. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Л. 5 – 14; АКАК. Т. 3... – С. 624 – 625; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 153.
34. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 64. Л. 83 об, 84.
35. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 55. Л. 12.
36. АКАК. Т. 3... – С. 667, 670, 673; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 183.
37. АВПРИ. Ф. 161. СПГА. 1 – 13, 1806. Оп. 10. Д. 2. Л. 91 – 96.
38. Акты Кавказской археографической комиссии об Игушетии и ингушах. Сборник документов. – Назрань, 1996. – С. 60; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 174.
39. АВПРИ. Ф. 161. СПГА. 1 – 13, 1806. Оп. 10. Д. 9. Л. 2 об; АКАК. Т. 3... – С. 669.
40. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С.301 – 303.
41. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 192.
42. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 2. Л. 136; АКАК. Т.4... – С. 892; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 634.

43. РГВИА. Ф. 482. Кавказские войны. Оп. 1. Д. 20. Л. 11 – 11 об.
44. АВПРИ. Ф. 161. СПГА. 1 – 13, 1806. Оп. 10. Д. 9. Л. 9 – 9 об, 10; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 20. Л. 11 об.; АКАК. Т. 4... – С.898.
45. АКАК. Т. 8. – Тифлис, 1881. – С. 669; Волкова Н.Г. Указ соч. – С. 161.
46. АКАК. Т. 4... – С. 830.
47. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 469 – 470.
48. АКАК. Т. 4... – С. 889 – 890, 906.
49. АКАК. Т. 3... – С. 213.
50. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... – С. 317.
51. Там же. – С. 318.
52. АКАК. Т. 3... – С. 516, 517, 219 – 220, 221; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... – С.318, 319, 321 – 322.
53. АКАК. Т. 4... – С. 217; РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6192. Л. 1 – 10.
54. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 52. Л. 58 об.; Берозов Б.П. Указ соч. – С. 82; ИНСК. Т. 2. – С. 28.
55. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик, 1994. – С. 294.
56. АВПРИ. Ф. 161. СПГА. 1 – 13, 1801 – 1814 гг. Оп. 10. Д. 5. Л.106; АКАК. Т. 4... – С. 847; Скиба К.В. Кубанская Линия в военно-политических событиях 1801 – 1835 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2003. – С. 95.
57. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 146 – 147; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкессия в XIX в. – Майкоп, 1991. – С. 44.
58. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 19491. Л. 14; ГАСК Ф. 87. Канцелярия гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 214. Л. 9 – 11.
59. Виноградов Б.В. Специфика российской политики... – С. 318 – 320.
60. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6166. Ч. 2. Л. 3 – 4.

61. Кудашев В.Н. Указ соч. – С. 92; АКАК. Т. 3... – С. 657.
62. АКАК. Т. 2. – С. 954; Т. 4. – С. 851; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 181.
63. Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 183 – 184.
64. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6183. Л. 105; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 635.
65. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6190. Л. 2, 2 об.
66. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 635; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 189.
67. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6184. Л. 284 – 285; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 144; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 186 – 187.
68. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6186. Л. 254 – 255; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 635 – 636.
69. ГАРО. Ф. 341. Войсковая канцелярия Войска Донского. Оп. 1. Д. 223. Л. 13 об, 14; АКАК. Т. 3... – С. 631 – 632; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 631; Колесников В.А. Оздворцы-казаки. – СПб., 2000. – С. 155.
70. Скиба К.В. Указ соч. – С. 94 – 95.
71. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – С. 54 – 55; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 632.
72. Ктиторова О.В. Указ соч. – С. 17.
73. Абазины (Историко-этнографический очерк). – Черкесск, 1989. – С. 23.
74. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6186. Ч. 2. Л. 136 – 137; ГАРО. Ф.344. Оп. 1. Д. 223. Л. 13 об, 14; Д. 245. Л. 155 об. – 162; Д. 246. Л. 10 об, 54 об – 55; Д. 287. Л. 110 об – 115; Д. 295. Л. 27 об – 34.
75. Записки А.П.Ермолова, 1798 – 1826 гг. – М., 1991. – С. 284.

76. Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими народами с 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 8. – С. 364 – 365; Гранкин Ю.Ю. Указ.соч. – С. 115.

77. ГАСК. Ф. 87. Д. 696. Л. 5.

78. Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии XIII – начало XX в.). – Грозный, 1983. – С. 94 – 95.

79. АКАК. Т. 4. – С. 828 – 831.

80. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 574 – 585.

81. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 608. Л. 1 – 1 об, 2 – 4.

82. ГАКК. Ф. 249 Оп. 1 Д. 512. Л. 37, 39; Ф. 670. Оп. 1 Д. 22. Л.70 об – 72.

83. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6186. Л. 258 – 258 об.

84. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 636 – 637.

85. Там же. – С. 469 – 470.

86. См., например: Записки А.П. Ермолова, 1798 – 1826 гг. – М., 1991. – С. 276, 278, 284; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 470 – 471; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 207; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 217; Скиба К.В. Указ соч. – С. 108 – 109.

87. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе... Т. 5. – С. 415 – 416; Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войн. – Тифлис, 1886. – С. 24 – 25.

88. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 470 – 471.

89. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1 Д. 9. Л. 23.

90. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1 Д. 9. Л. 40, 53; Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис, 1904. – Т. 3. Ч. 1. – С. 17; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... – С. 217.

91. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6164. Л. 147, 148, 533, 535 – 538, 518 – 522; АКАК. Т. 5. – С. 162, 613 – 614.

92. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1 Д. 9. Л. 40, 53; Ф. 846. ВУА. Д. 6166. Ч.3. Л. 70 – 72; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 285. Л. 106.
93. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1 Д. 9. Л. 53.
94. УРВК. Т. 3. Ч. 1. – С. 114, 262.
95. АКАК. Т. 4. – С. 874.
96. АКАК. Т. 5. – С. 606, 607.
97. Нерсиян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. – Ереван, 1965. – С. 285.
98. АКАК. Т. 5. – С. 875.
99. Там же. – С. 645.
100. Волкова Н.Г. Указ. соч. – С. 162.
101. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1 Д. 2. Л. 78 – 81 об; АКАК. Т. 5. – С.357; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... – С.325 – 326, 329.
102. АКАК. Т. 5. – С. 517 – 519; Берозов Б.П. Указ.соч. – С. 75, 76; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... – С. 334.
103. АКАК. Т. 5. – С. 523 – 524; Дзидзоев В.Д. Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVIII – начале XX в. (историко-этнологическое исследование). – Владикавказ, 2001. – С. 110.
104. Берозов Б.П. Указ. соч. – С. 82.
105. Дзеранов Т.Ч. Указ. соч. – С. 40, 47.
106. АКАК. Т. 5. – С. 521 – 523; Берозов Б.П. Указ.соч. – С. 83.
107. АКАК. Т. 5. – С. 24.
108. Кудашев В.Н. Указ.соч. – С. 90.
109. ПСЗРИ. Т. 32. – С. 16. – № 24959.
110. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 656 – 657; Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 205; Виноградов Б.В. Кавказский след в войне 1812 г.: авантюра Р. Медокса в контексте специфики российско-кабардинских отношений конца XVIII – начала XIX в. // Вопросы северокавказской истории. – Вып. 9. – Армавир, 2004. – С. 69 – 70.
111. Мальбахов Б.К. Указ соч. – С. 209.
112. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период Ермоловщины. Ч.1. (1816 – 1822 гг.) // Живая старина. – 1992. – № 2. – С. 8.

113. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 223. Л. 13 об – 14; АКАК. Т. 4. – С.837 – 839; Захаревич А.В., Скиба К.В. Военно-политические события на Кубанской Линии в 1811 – 1816 гг. – попытки мирного сосуществования // Вопросы северокавказской истории. – Вып. 9. – Армавир, 2004. – С. 46.

114. ГАСК. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2080. Л. 430; ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д.5. Л. 10 об – 12 об, 35.

115. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. – С. 653 – 654.

116. РГВИА. Ф. 489 Коллекция формулярных списков. Оп. 1. Д.3146. Л. 50; Там же. Ф. 14719. Главный штаб Кавказской армии. Оп. 7. Д. 96. Л. 3; ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 733. Л.246 об – 251; Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 – 1896. – Тифлис, 1900. – Т. 1. – С.161 – 162.

117. РГВИА. Ф. 846. ВУА. Д. 6202. Л. 410.

118. Шамрай В.С. Указ. соч. – С. 367; Покровский М.В. Указ. соч. – С. 121; Гранкин Ю.Ю. Указ. соч. – С. 116.

119. Покровский М.В. Указ. соч. – С. 122 – 124.

120. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 464. Л. 25.

Заключение

Следует признать, что характер российско-северокавказского взаимодействия в конце XVIII – начале XIX в. в значительной мере определяется этнополитической ситуацией в регионе, сложившейся после Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и вследствие раздела Крымского ханства (1783 г.), когда Крым и Прикубанье оказались в составе России, а левобережье Кубани — формально под контролем Турции. Немалое усиление России на Кавказе (в том числе Георгиевский трактат 1783 г. о протекторате над Восточной Грузией) было взаимосвязано с постепенным ослаблением влияния на местные народы Турции и Ирана. И хотя северокавказские народы начинают воспринимать Россию как сильнейшую сторону в противоборстве с восточными державами, до завершения самого этого противоборства, в которое так или иначе были вовлечены народы региона, было еще довольно далеко. К тому же видимое ослабление османского натиска, снятие с повестки дня факта крымской экспансии не могли автоматически повлечь за собой осознанное стремление тех же северокавказских горцев к реальной интеграции в рамках Российской Империи. Следует, наверное, вообще признать, что местные народы в своих контактах с Россией исходили прежде всего из представлений о собственных интересах, будь то потребность в защите перед лицом османских и персидских вторжений или же заинтересованность в помощи российских властей при разрешении специфических внутрирегиональных противоречий.

Представляется, что констатация подобной «корысти» в помыслах и действиях северокавказских этнических сообществ и их правящих элит не является каким-либо «вектором обличения» последних, но позволяет лучше понять довольно своеобразную логику горско-российских отношений не только в конце XVIII – начале XIX в., но и в предшествующий длительный исторический период.

Вместе с тем в конце XVIII – начале XIX в. российские интересы на Северном Кавказе вступили в противоречие с традиционным

укладом горцев, большая часть которых находилась в «подданнической» (а реально – скорее своеобразной вассальной) зависимости от Империи. На наш взгляд, “отправной точкой” противоречий явилось то, что местные этнические сообщества, при имевшихся нюансах в социально-политическом развитии, все же находились к концу XVIII в. на догосударственной ступни развития. И хотя некоторые современные кавказоведы готовы рассматривать этносоциальные общности региона в данный период в качестве государственного образования, думается, что именно значительная разница в стадильном уровне развития между Россией и горскими сообществами обуславливала специфичность их взаимодействия в конце XVIII – начале XIX в.

Различное понимание сторонами “подданнических присяг”, приверженность горцев набеговой экспансии в совокупности с происками Турции и Ирана предопределили осложнение российско-северокавказских взаимоотношений. В данном контексте ослабление османской и персидской угрозы объективно способствовало ослаблению ранее существовавшей мотивации ряда горских сообществ к сближению с Россией. Кстати, и само различное понимание сторонами взаимодействия текста присяг, восприятие горцами своих отношений с Россией как приобретения прав без приобретения обязанностей также может свидетельствовать одновременно и о догосударственном уровне развития горцев, для которых, следовательно, навыков подчинения государственной власти не существовало, и о факте той самой стадильной разницы между Россией и горцами, которая затрудняла интеграцию последних в государственно-правовое поле Российской империи.

Между тем начало осложнений горско-российских взаимоотношений не означало со стороны России стремления привнести на местную “почву” собственные военно-административные порядки или захватить собственно горские земли (вопреки дружным уверениям ряда современных кавказоведов, готовых именно и только Россию обвинять в обострении местной обстановки конца XVIII – начала XIX

в.). Напротив, именно деятельность российских властей в ряде случаев инициировала расселение горских народов на плоскости согласно их желанию.

Необходимо отметить, что к концу XVIII в. стратегические интересы России в регионе вступили в явное противоречие со стремлением кабардинских феодалов к продолжению доминирования над народами Центрального Кавказа. Кабардинские социальные верхи, менее нуждаясь теперь в российской помощи в отражении турецкой угрозы (и при условии снятия Россией с повестки дня неблагоприятного для Кабарды крымского фактора), стали проявлять все большую оппозиционность российским властям. Кабардинская знать все более тяготится российским покровительством, а догосударственный уровень развития Кабарды во многом определил неприятие значительной частью кабардинского общества закрепленной договором 1774 года принадлежности Кабарды Российской Империи. Данные обстоятельства, а также традиционная для кабардинских феодалов практика наездничества (то есть набегов), обусловили элементы военного противостояния Кабарды и России в конце XVIII – начале XIX в., при сохранении, тем не менее, и мирного потенциала взаимоотношений.

Представляется, что реалии российско-северокавказских, и в частности российско-кабардинских, взаимоотношений не позволяют рассматривать последние как равноправно-союзнические в силу видимой “разновеликости” субъектов взаимодействия. Следовательно, определенный кризис кабардино-российских взаимоотношений в конце XVIII в. не стоит связывать с нарушениями со стороны России ранее существовавших “союзнических” отношений, с пресловутой российской “колониальной экспансией”. Кроме прочего, подобные вольные или невольные упрощения лишают российско-горское взаимодействие присущей ему специфичности. Сводя кризисные явления к удобной для некоторых схеме о неправоте “царской России” и соответственно правоте горских народов. Любопытно, что данная схема, включающая в себя и тезис о “союзничестве” России и горцев,

апробируется сегодня не только применительно к российско-кабардинским контактам, но и к связи России с народами Северо-Восточного Кавказа в широком хронологическом диапазоне.

Особенности этнополитической ситуации на Северном Кавказе были неразрывно связаны с усилением ислама в регионе начиная с конца XVIII в. Исламский фактор, в дальнейшем развитии которого были заинтересованы Турция и Иран, обусловил и движение шейха Мансура (1785 – 1797 гг.), и шариатское движение в Кабарде (1799 – 1807 гг.). Характер действий российских властей в их причинах не имел, на наш взгляд, определяющего значения.

В этих условиях, при сохранении долговременных реваншистских настроений у Турции и происков Ирана, строительство укреплений Кавказской Линии являлось совершенно необходимой мерой, без которой расширение российского влияния на Северном Кавказе, а в дальнейшем и проникновение в Закавказье были бы невозможными. Кроме того, возведение Кавказской Линии было обусловлено и защитой населения созданной в 1795 г. Кавказской губернии от тех же горских набегов, получивших в процессе исламизации заряд “идеологизированности” и освященности.

Наряду с этим Кавказская Линия немало способствовала и укреплению российской ориентации части горских владетелей и народов, так как во многом определяла рельефно обозначившееся усиление России в регионе. В частности, наличие укреплений Кавказской Линии сыграло важную роль в расселении на плоскости осетин, ингушей, а отчасти и чеченцев, ибо последние селились в междуречии Сунжи и Терека с разрешения российских и “линейных” властей.

Но постоянно имевшие место в конце XVIII – начале XIX в. набеги горцев (как “подданных” России, так и формально зависимых от Турции “закубанцев”) на Кавказскую Линию, угон скота, захват людей и имущества стали болевой точкой российско-северокавказских взаимоотношений. Российские власти не могли примириться с этим предельно невыгодным для них проявлением горского традиционного уклада, а горцы, в свою очередь, не желали

отказываться от своей столь прибыльной привычки, сформировавшейся задолго до непосредственного выхода российских укреплений на Терек и Кубань. Последнее обстоятельство, а также чрезвычайно редкое размещение укреплений Линии на собственно горских землях в конце XVIII – начале XIX в. (только в случаях острой стратегической необходимости) позволяют утверждать, что горские набеги на Кавказскую Линию в исследуемый период не носили освободительный характер, а порождались либо промысловым интересом в совокупности с особенностями менталитета горцев, либо исламской трансформацией, наступательная направленность которой представляется очевидной. В случае с набегами кабардинских феодалов примешивался ещё и другой значимый мотив – не допустить доминирования России на Центральном Кавказе, отстоять собственные "вольности" в отношении с народами региона – данниками кабардинских князей.

Недопущение набегов на Кавказскую Линию оговаривалось в присягах горских народов на подданство России. Тем не менее новые "подданные" Империи не имели ни желания, ни возможности обеспечить исполнение данного условия в силу специфики того же традиционного уклада, а также вследствие особенностей взаимоотношений с соседними народами и внутри горских обществ. Догосударственная ступень развития горцев предопределяла неудачи российских властей в попытках дипломатического разрешения проблемы набегов. Военные же меры российской стороны оказывались, во-первых, недостаточно эффективными, а во-вторых, нередко вызвали новый виток антироссийских настроений. Но, несмотря на данную констатацию, следует признать, что отсутствие военного реагирования на набеговую экспансию привело бы к обвальному росту числа набегов, к потере российскими властями контроля за ситуацией на Северном Кавказе, чем не преминули бы в полном объёме воспользоваться Турция, Иран и их западноевропейские покровители.

Исходя из этого, организуемые российскими военными "репрессалии" горцам за совершенные набеги нельзя трактовать как "завоевательную политику", "колониальную экспансию" и т.п. Обстоятельства 1783 – 1816 гг. предполагали именно за российской стороной оборонительный образ действий на Северном Кавказе.

Немаловажным фактором этнополитической обстановки на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. явилось изменение "этнической карты" Северного Кавказа после присоединения к России Крыма и правобережной Кубани (1783 г.). Переселение из Прикубанья значительной части ногайцев и начало активной казачье-крестьянской колонизации степного Предкавказья привели к изменению существовавших ранее "противовесов" в северокавказской системе "взаимного сдерживания", на которой в значительной степени основывалась внешнеполитическая ориентация ряда местных народов. Данный фактор сыграл значительную роль в формировании оппозиционных к России настроений кабардинской знати – наиболее консолидированной и военно организованной силы на Северном Кавказе. Теперь кабардинские феодалы всё чаще были готовы использовать Турцию в качестве противовеса усилению России в регионе и стремились не допустить российского влияние в собственных традиционных зонах контроля.

Анализ внешнеполитической обстановки 1783 – 1816 гг. позволяет утверждать, что специфика российской северокавказской политики не была жестко определена скованностью Империи европейскими делами. Исходивший из более вассального, чем подданнического, видения статуса местных народов характер действий России в регионе имел черты преемственности в правление Екатерины II, Павла I и в начале царствования Александра I. Вместе с тем Англия и Франция, независимо от перипетий европейской политики, были одинаково не заинтересованы в усилении России на Кавказе и поочередно провоцировали реваншистские устремления Турции и Ирана.

“Прорыв” России в Закавказье, закрепленный Бухарестским (1812 г.) и Гюлистанским (1813 г.) мирными договорами соответственно с Турцией и Ираном, сделал зону обитания северокавказских народов, фактически не знавших в конце XVIII – начале XIX в. непосредственного российского управления, тыловой территорией России, менее освоенной, чем присоединенные земли Южного Кавказа. В данной связи проблематичность для горцев соблюдения верности России в рамках более вассального, чем подданнического, положения на перспективу не могла устроить российские власти.

Здесь нелишне заметить, что характер российско-северокавказских взаимоотношений на протяжении XVI – XVIII вв. ближе всего, видимо, находился к вассально-союзнической схеме, где местным владетелям и этническим сообществам принадлежала, естественно, роль вассалов. Однако в данном приближении есть свои условности и исторические несовпадения – ведь ни в XVI в., ни тем более позже в Российском государстве сеньориально-вассальных отношений не существовало, и их традиция была во многом утрачена в условиях известной деспотичности власти. Значит, в попытках обретения партнеров на Северном Кавказе российские власти, несмотря на официальную фразеологию о “подданстве”, “холопстве” и т.п., апробировали схему отношений – хоть и вертикальную, но все же намного более гибкую и “горизонтальную”, чем та, которая существовала собственно в России между властью и населением. Определяться это могло и внешнеполитическим характером дальнейшего взаимодействия, и той самой многомерной взаимовыгодностью, которая хоть и не могла, на наш взгляд, определить равноправно-союзнические отношения России с рядом народов региона, но была вполне в состоянии обусловить именно специфические вассально-союзнические отношения, отличные как от классических стандартов эпохи феодальной раздробленности, так и от внутрироссийского стандарта “вертикали власти” XVI – XVIII вв.

Представляется логичным, что при попытках воплощения вассально-союзнической схемы взаимодействия с северокавказскими народами российские власти пытались опереться на региональные социальные верхи. Но те, стремясь к сохранению собственной (пусть и догосударственной) власти и рассматривая российское присутствие в регионе сквозь призму собственных интересов, нередко лавировали между Россией и Восточными державами. Примером могут служить и кабардинские князья, и осетинские алдары, и некоторые владельцы Дагестана. Еще сложнее, в силу опять-таки значительной разницы в социальном уровне развития, были перспективы взаимодействия со старшинской верхушкой “вольных обществ”. Варианты же опоры на феодально эксплуатируемые низы горцев не имели четкой перспективы, так как обостряли отношения России с местными владельцами. Тем не менее начало расселения на плоскости, организация меновой торговли объективно отвечали чаяниям горских народных масс. Поэтому нельзя сказать, что происходившее укрепление позиций России на Северном Кавказе основывалось лишь на контактах с социальными верхами народов региона.

На протяжении конца XVIII – начала XIX в. Россия не раз предпринимала усилия по мирному постепенному интегрированию северокавказских народов в собственную государственную систему. Это можно расценить и как попытку наполнения отношений с горцами конкретным содержанием, правами и обязанностями сторон взаимодействия. Делалось это без сколь-нибудь резких политических движений, направленных на прямое установление российских военно-административных порядков, с учетом особенностей традиционного уклада горцев. К таким усилиям можно отнести сделанные российской стороной в 80-х годах XVIII в. попытки записи северокавказских владельцев в российское дворянство и учреждения “войска из горских народов”, введение родовых судов и расправ в Кабарде в 1793 г. Довольно интересным (хотя и несколько утопичным) представляется задуманный Павлом I и формально осуществленный Александром I план создания пророссийской

федерации владетелей Дагестана и Северного Азербайджана. С максимально возможным учетом местных традиций происходило установление института приставства в Чечне в 1807 г. Стабилизации российско-горских взаимоотношений были призваны содействовать меры российских властей по организации меновой торговли с местными народами.

Но интеграционные мероприятия российской стороны происходили на довольно неблагоприятном внешнеполитическом фоне, в условиях постоянных происков Турции, Ирана, а в некоторых случаях – и стоящих за ними европейских держав. Кроме того, "трансформационные модели" России иногда сталкивались с собственно северокавказскими вариантами трансформации традиционного уклада, как то имело место в ходе "шариатского движения" в Кабарде в 1799 – 1807 гг., когда исламская "модернизация" кабардинского общества вступила в заметное противоречие с российскими интересами на Центральном Кавказе и в регионе в целом.

Российская Кавказская администрация в лице П.С. Потёмкина, И.В. Гудовича, К.Ф. Кнорринга, П.Д. Цицианова, А.П. Торماسова, Н.Ф. Ртищева и других командующих не раз прибегала к переговорному процессу с горскими народами и владельцами для нормализации обстановки на Северном Кавказе. В большинстве случаев центральным вопросом было прекращение набегов на селения и коммуникации Кавказской Линии, а так же на Грузию. В условиях осmano-российских войн 1787 – 1791 и 1806 – 1812 гг., а также войны с Ираном 1804 – 1813 гг. (как и в межвоенные периоды времени) принципиальным было и сохранение российской ориентации местного населения. К успехам российской политики и дипломатии конца XVIII – начала XIX в. можно отнести принятие большинством феодальных владений и сельских обществ Дагестана подданства России, что обусловило международное признание присоединения Дагестана к Российской Империи Гюлистанским договором 1813 г., укрепление

русской ориентации у ингушей и осетин, находившее отражение во вновь принимаемых подданнических присягах.

При этом не все проблемы удавалось разрешить дипломатическим путём. В наибольшей степени это относится к проблеме прекращения набегов, так как горцы практически не выполняли взятых на себя в этой связи на переговорах. "Наложение" на набеговый фактор внешнеполитических обстоятельств приводило в ряде случаев к масштабным силовым акциям русских властей против горцев. К ним можно причислить ряд военных мероприятий на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в период командования П.Д. Цицианова (1802 – 1805 гг.), а также походы войск под предводительством ген. С.А. Булгакова в Чечню (1807 г.) и Кабарду (1810 г.). Следует признать, что неприятие Россией данных военных мер привело бы, кроме прочего, к резкому усилению в регионе Ирана и Турции, чего русские власти допустить не могли.

Однако военные акции не рассматривались русской стороной (в том числе и на самом высшем уровне) как основной инструмент политики на Северном Кавказе. Даже ген. П.Д. Цицианов, вынужденный сначала жёсткими военными методами подавлять антирусские выступления в Осетии и Дагестане, впоследствии разрабатывает мирные варианты урегулирования обстановки в регионе. И.В. Гудович и А.П. Тормасов изначально не были сторонниками силовой модели общения с горскими народами. Наименее привержен военным способам разрешения сложившихся горско-русских противоречий был Н.Ф. Ртищев, являвшийся главнокомандующим на Кавказе в 1812 – 1816 гг. Но его концепция взаимоотношений с северокавказскими народами, основанная на откровенно пассивной тактике борьбы с набегами и подкупе горских социальных верхов, хотя и обуславливалась в немалой степени отвлеченностью сил и средств Империи на противостояние наполеоновской Франции, тем не менее, на наш взгляд, была не в

состоянии обеспечить государственные интересы на Северном Кавказе.

Необходимо заметить, что характер и особенности политики России на Северном Кавказе не во всех случаях определялись непосредственными предписаниями из властительного Петербурга (хотя "магистральные" её позиции и исходили от высших властей Империи). Российская кавказская администрация обладала известной самостоятельностью в принятии решений, тем более что нюансы местной обстановки были не всегда доступны для понимания носителей высшей власти. Между тем среди представителей различных звеньев местной русской администрации не всегда присутствовало единство взглядов на метод разрешения конфликтных ситуаций с горцами.

Лишь частичный успех невоенных мер России по стабилизации ситуации в регионе можно объяснить не только внешнеполитическим контекстом и исламским фактором, но и догосударственным уровнем развития северокавказских горцев, особенностями их традиционного уклада и менталитета. Так, организуемая российскими властями меновая торговля (как и торговля в целом) в силу сложившихся традиций мало привлекала феодальную знать местных народов – социальный слой, наиболее приверженный "наездничеству", часто направленному в российские пределы.

Для прочного привлечения местных народов российской стороной использовались и институт аманатства (жесткость которого для исследуемого периода не следует преувеличивать), и организация школ для детей горцев, и попытки формирования лояльного к России мусульманского духовенства. Наряду с этим предпринимались усилия по христианизации населения региона. Необходимо отметить, что миссионерская деятельность проповедников христианства распространялась на народы, исповедовавшие в то время традиционные (политеистические) религиозные воззрения (прежде всего на осетин, отчасти на ингушей). Насильственной христианизации не наблюдалось, тем более в отношении тех народов, которые уже

исповедовали ислам. В то же время кабардинские князья, связывавшие с распространением ислама укрепление своего доминирования над соседними народами, довольно активно препятствовали христианской миссионерской деятельности на Центральном Кавказе. После введения в Кабарде с разрешения российской администрации судопроизводства по шариату местные феодалы, и особенно явно протурецки настроенное мусульманское духовенство, были заинтересованы в расширении зоны действия шариатских порядков, что объективно противоречило российским планам в регионе.

Необходимость оптимизации политики на Северном Кавказе вызвала в России в конце XVIII – начале XIX в. значительное усиление научно-исследовательского к нему интереса. Причем этнография и история местных народов привлекают не только умы представителей академической науки, но и внимание российских региональных властей различного уровня. Данная тенденция в значительной степени ставит под сомнение расхожее утверждение о том, что российская сторона не знала особенностей традиционного уклада горцев Северного Кавказа и поэтому всячески его попирала. Следует, видимо, признать, что Россия не могла положительно воспринимать все проявления местного традиционного уклада хотя бы уже по причине принадлежности к нему набеговой системы. При всех различиях стадияльного и цивилизационного развития России и горских народов в исследуемый период (как, впрочем, и в предшествующие, и в последующие времена) имел место процесс взаимопроникновения некоторых элементов северокавказской и русской культур, что во многом обусловило и феномен российскости, и подмеченный М.Ю. Лермонтовым феномен "настоящего кавказца". И все же именно российский "полюс" культурного влияния и притяжения позволил вскоре появиться просветителям из среды горцев, таким как Хан-Гирей и Шора Ногмов.

Анализ этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. и специфики российской политики в регионе не позволяет распространять на исследуемый период доминанты понятия

"Кавказская война". На наш взгляд, это определяется не только размытостью критериев установления нижних хронологических рамок последней и немалой неопределённостью проблемного содержания и территориальных границ данного довольно укрепившегося в отечественной историографии понятия, но и значительной многомерностью и вариативностью политики России в регионе, которую невозможно, по нашему мнению, свести к преобладанию военной составляющей в российско-северокавказских взаимоотношениях.

В конце XVIII – начале XIX в. российскую политику на Северном Кавказе, на наш взгляд, нельзя назвать колониальной (несмотря на достаточно укоренившуюся в большом количестве работ советских и современных российских историков традицию). Такой подход к оценке характера деятельности России в регионе основывается на ряде существенных её отличий от мероприятий стран-метрополий по отношению к своим колониям. По нашему мнению, определение "внутренние колонии" также не подходит для уяснения специфики российско-северокавказских отношений конца XVIII – начала XIX в., так как окраины Российской Империи и её центр постепенно составляли единый государственный организм. Представляется, что ни одна схема взаимоотношений метрополий и "колониальных" народов Нового времени не имела тенденции к образованию последнего. Весьма значительно различались причины и методы включения северокавказских народов в сферу влияния, а затем и власти Российской империи от стандартов европейского колониализма.

Таким образом, тезис о колониальной политике, колониальной экспансии России на Северном Кавказе (в том числе в конце XVIII – начале XIX в.), основанный на догматизированном усвоении марксистско-ленинского наследия и "сдобренный" центробежными (вплоть до сепаратистских) веяниями последних лет, имеет априорный характер.

Итак, российско-северокавказское взаимодействие в 1783 – 1816 гг. содержало со стороны России попытки моделирования невоенных

способов стабилизации местной обстановки и постепенного интегрирования народов региона в собственную государственную систему. Последнее можно рассматривать в контексте стремления российских властей к созданию цельной системы служения горских народов – “подданных” России – хотя бы в рамках существовавшей де-факто вассально-союзнической схемы взаимоотношений с Империей. Представляется, что отсутствие данной цельной системы предопределяло ряд сложностей в российско-горских взаимоотношениях. Вместе с тем внешнеполитические обстоятельства, стадийный уровень развития горцев, особенности их традиционного уклада и конфессиональный фактор значительно затрудняли возможности данного моделирования, что в решающей степени обусловило Северокавказский кризис XIX в., в разрешении которого российской стороной опять-таки будут применяться отнюдь не только военные методы воздействия на горские народы.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Виноградов Борис Витальевич

**Россия и Северный Кавказ в 1783–1816 гг. :
проблемы взаимодействия во внутри
и внешнеполитическом контексте**

МОНОГРАФИЯ

**Литературный редактор И.М. Рысин
Компьютерная вёрстка Д.В. Резец**

Подписано в печать 14.04.2010 г.
Формат 60x84/16.
Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Объем 6 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 28.

**Отпечатано в Издательском центре СГПИ
353563 г. Славянск-на-Кубани ул. Коммунистическая, 2**